

Дмитрий Мурашов

РОМАН ГУЛЬ

ПИСАТЕЛЬ ИЗ ПЕНЗЫ

Дмитрий Мурашов

**РОМАН ГУЛЬ:
ПИСАТЕЛЬ ИЗ ПЕНЗЫ**

Пенза 2018

ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8ГульР.Б.
М91

Рецензенты:

Маслова И. И., доктор исторических наук
Белохвостиков Е. П., краевед

Мурашов, Дмитрий. Роман Гуль: писатель из Пензы. – Пенза, 2018. – 148 с.

На обложке – Роман Борисович Гуль в Нью-Йорке, фото из Государственного архива Пензенской области.

Роман Борисович Гуль (1896–1986) – известный писатель Русского Зарубежья, главный редактор «Нового журнала», самого популярного издания русской эмиграции. Роман Гуль родился в Пензе, а умер в Нью-Йорке, выехав из России во время гражданской войны.

В книге рассказывается о взглядах писателя на Российскую революцию 1917 года, ставшую главной темой его творчества.

История – это встреча людей в веках.

Марк Блок, французский историк

Роман Борисович Гуль был на редкость прямым,
честным человеком, посвятившим всю свою жизнь
творческому труду на ниве слова
в лучших традициях русской бессеребренной
интеллигенции.

Он был воплощением всего самого лучшего,
что было свойственно русской интеллигенции.

*Евгений Магеровский,
доктор политических наук*

Содержание

<i>От пензенского имени до Нью-Йорка.....</i>	<i>5</i>
<i>Русский бунт.....</i>	<i>34</i>
<i>Предтеча Ленина.....</i>	<i>62</i>
<i>Гениальная горилла.....</i>	<i>76</i>
<i>Генерал БО.....</i>	<i>101</i>
<i>Человек-чудовище.....</i>	<i>119</i>
<i>Красные маршалы.....</i>	<i>131</i>

От пензенского имени до Нью-Йорка

Биография Романа Гуля сродни биографии Александра Герцена: писатель, эмигрант, противник политического режима в России, редактор популярного журнала и – главное – автор собственной биографии. Гуль, как и Герцен, написал в ней о себе практически всё. Биограф Романа Гуля, как и биограф Герцена, вынужден идти дорогой, начертанной им самим: в мемуарах «Я унес Россию» и в художественных произведениях Гуля. Правда, в отличие от Герцена, Гуль стал писать воспоминания не в сорок, а в семьдесят четыре года, но панорама жизни и калейдоскоп имен, представленных в них, такие же грандиозно-впечатляющие, как и у знаменитого автора «Былого и дум». Показательно, что сближение судеб проводит сам Гуль, когда размышляет об эмиграции, отталкиваясь от слов Герцена, чьи книги он прочитал еще в юности, что «эмиграция – это страшная вещь»¹. Юный Гуль не понимал их смысла: «Мне казалось тогда, напротив,

эмиграция Герцена не только не страшной, но прекрасной и героической: «Колокол», «Полярная звезда», Франция, Англия, сочинения, большое влияние на внутреннюю Россию, множество встреч с тогдашними западными властителями дум, писателями, революционерами, дружба с Огаревым, Бакуниным. Что же тут страшного?»².

И только в старости, прожив шестьдесят пять лет за границей России, Роман Борисович, понял, «как верно, хорошо и глубоко сказал Александр Герцен»: эмиграция – вещь страшная, потому что заставляет делать выбор между родиной и свободой. Гуль, как и Герцен, сделал выбор в пользу свободы, она позволила ему, по его собственным словам, «остаться самим собой». «А это, – говорил он, – может быть, даже самое большое человеческое счастье – быть эмигрантом не только из своей родной страны, превращенной в Дантов ад, но быть вообще эмигрантом на земле, еле соприкасаясь со всем тем, что тебя окружает... Может быть потому, что я, в сущности, где-то в своей глубине именно и хочу быть «вне общества», «вне государства», а быть в вечном странствии»³.

Большая часть жизни Романа Борисовича Гуля прошла в двадцатом веке, но он сам, по воспитанию и образованию, был человеком века девятнадцатого, который исторически завершился в 1914 году Первой Мировой войной. «Было ясно, – писал немецкий историк Эрих Хобсбаум, – что наступил конец мира, созданного буржуазией и для буржуазии, конец «долгого девятнадцатого века»... Уже тогда люди чувствовали, что это – конец определенной эры; это чувство сохраняется и теперь»⁴.

Российская революция разделила жизнь Гуля на две части, став главным событием его биографии. В ней двадцать один год *до* «красного колеса»⁵ и шестьдесят девять *после*. Срок достаточный, чтобы эмоционально и рационально, ретроспективно и перспективно оценить значение революции. Роман Борисович сделал это. Он понял ее, как событие, взявшее «мир с земли» – таков выбранный им эпиграф из Откровения Иоанна Богослова в самой известной из книг Гуля «Конь рыжий». Жестокость нового мира, ставшая нормой, была им решительно отвергнута. Гуль навсегда остался *дореволюционным* гуманистом. Описывая такой тип, философ-эмигрант

Владимир Ильин, писал: «Если бы понадобилось очертить одним словом, одним словом охарактеризовать русский XIX в., то, пожалуй, не нашлось бы иного слова, как «человечность»... Гуманизм ли это в западноевропейском смысле слова, т. е. Ренессанс ли это, фаустовский ли это дух? На это придется ответить решительным «нет». Без сомнения, черты ренессансные есть в изобилии, ренессансный артистизм, и притом самого первого качества, рассыпанный золотой россыпью, горит и искрится в больших количествах. Но все же не эстетика, но этика господствует основным мотивом в русском XIX в. Это и сообщает ему такой серьезный, временами трагический оттенок... Русский человек решает в XIX в. антропологическую проблему в аспекте служения человеку... В XX веке и после революции этот мотив начисто исчезнет и заменится прямо противоположными мотивами использования *«бесчеловечья»* и *«толкания падающего»*. А мотив служения заменится прямо противоположным мотивом заставления себя служить, в чем и заключается мотив эгоизма»⁶.

Роман Гуль писал исторические романы. Он автор «Азефа» – книги о самом известном агенте царской охранки, знаменитом эсере-боевике Евно Азефе. Из-под пера Гуля вышел «Скиф в Европе» - роман об анархисте и революционере Михаиле Бакуине. Роман Гуль создал документально-художественные повествования «Гухачевский» и «Дзержинский», автобиографичный роман «Конь рыжий», высоко оцененный Буниным, «Ледяной поход» о гражданской войне и трилогию «Я унес Россию» – свою последнюю книгу.

Революция интересовала Романа Гуля всегда. Она была главной темой его творчества. Для писателя русская революция – «самая жестокая, самая кровавая в мире»⁷. И здесь он предшественник Александра Солженицына, автора эпопеи «Красное колесо». Однако в отличие от Солженицына Гуль думал о революции как непосредственный участник. Хотя к выводам писатели пришли одинаковым: революция – величайшая трагедия в истории страны, а диктатура большевиков ужасна для ее развития. Большевизм – это не только русское, но и мировое зло⁸.

Сочинения Романа Гуля в Советском Союзе были малодоступны. Они выпускались за границей. В СССР в 1927-1928 годах были изданы только «Жизнь на Фукса» и «Белые по черному». Поэтому Солженицын прочел «Ледяной поход» Гуля в спецхране⁹, а Довлатов, познакомился с «Азефом» в США¹⁰. Гулевский «Азеф» даже вошел в текст довлатовской «Зоны». «Недавно я прочитал книгу – «Азеф», – рефлексировал герой повести Довлатова. – В ней рассказывается о головокружительной двойной игре Азефа. О его деятельности революционера и провокатора. Как революционер он подготовил несколько успешных террористических актов. Как агент полиции выдал на расправу многих своих друзей. Все это Азеф проделывал десятилетиями. Ситуация кажется неправдоподобной. Как мог он избежать разоблачения? Одурачить Гершуни и Савинкова? Обвести вокруг пальца Рачковского и Лопухина? Так долго пользоваться маской? Я знаю, почему это стало возможным. Разгадка в том, что маски не было. Оба его лица были подлинными. Азеф был революционером и провокатором – одновременно». Довлатовский герой приходит

к мысли, что между лагерем и волей есть «поразительное сходство», а «зона представляет собой модель советского государства»¹¹. Роман Гуль такие выводы не делал. Он, как и Солженицын, считал, что зона – для обоих писателей ГУЛАГ – только сильно влияет на жизнь общества.

До эмиграции, живя в Пензе, Роман Гуль в отличие от сверстника и земляка Даниила Фибиха, не мыслил себя писателем¹². Он стал им случайно, рассказав в 1921 году о своем участии на стороне белых в гражданской войне. Написанная им повесть «Ледяной поход» имела успех. Особенно обрадовал Романа Гуля положительный отзыв Горького¹³. С этого успеха и начался Гуль-писатель. Большинство его произведений автобиографичны. Почва для них – не только юг и запад распадавшейся Российской империи, где воевал Гуль, но и Среднее Поволжье, Пензенская губерния, где прошли его детство и юность.

Роман Борисович вспоминал: «В полутемных сенях дедова дома Анюта подхватила меня подмышки и головокружительно завертела; я хватаюсь за развевающиеся красные розы на воланах

ее платья; мне невыносимо страшно от летящих вокруг меня роз и, чувствуя отчаяние, я пронзительно кричу. Это начало бытия; сознание бессильно донести более ранний осколок...»¹⁴. Почти как у Владимира Набокова в «Других берегах». И хотя Гуль не жаловал Набокова как писателя¹⁵, но с этим его суждением, вероятно, согласился бы: «Колыбель качается над бездной. Заглушая шепот вдохновенных суеверий, здравый смысл говорит нам, что жизнь – только щель слабого света между двумя идеально черными вечностями. Разницы в их черноте нет никакой, но в бездну преджизненную нам свойственно вглядываться с меньшим смятением, чем в ту, к которой летим со скоростью четырех тысяч пятисот ударов сердца в час»¹⁶. Гуль любил «преджизненную бездну» – историю себя в предшествующих поколениях. «Родина есть священная тайна каждого человека, так же как и его рождение. Теми же таинственными и неисследимыми связями, которыми соединяется он через лоно матери со своими предками и прикрепляется ко всему человеческому дереву, он связан через родину и с матерью-землей и со всем Божьим творением»¹⁷. Эту

обширную цитату философа Сергея Булгакова Роман Борисович привел в автобиографии, полностью соглашаясь с ней.

В своих книгах Роман Гуль часто вспоминал Пензу, вплетал в повествование картины детства, отрочества и юности. Искренно сожалел, что, находясь в эмиграции, никогда не увидит родные места. «Мила та сторона, где пупок резан», – повторял он, понимая, что весь его писательский путь от «пензенского имения до Нью-Йорка»¹⁸, был бы невозможен без закваски родной пензенской земли. Писатель считал прожитую жизнь счастливой, и в старости говорил, что повторил бы ее «сначала, от первого до последнего дня»¹⁹, но эти слова произносились им с печалью и выражали счастье человека, *выжившего* в кровавой бойне XX века. Гуль был счастлив, потому что остался цел, но задуманная им жизнь (а он хотел стать ученым, философом)²⁰ – так и осталась нереализованной. Такие же ощущения испытывал и поэт Иван Елагин. Он был моложе Романа Борисовича на двадцать два года, но эпоха размыла разницу в возрасте: «Мы выросли в годы таких потрясений, // Что целые

страны сметались с пути...», «Сам я толком не знаю, // Что от жизни я жду. // На подножку трамвая // Я вскочил на ходу...», «И, пожалуй, что в этом // Биография вся:// Оставался поэтом, // На подножке вися»²¹.

Детство Романа прошло в Керенске, ныне Вадинск, рядом с дедом (по материнской линии) Сергеем Петровичем Вышеславцевым. Он был председателем Керенской земской управы. Любовь к деду со стороны Гуля – очевидна. Рассказом о нем Роман Борисович открывает книгу «Конь рыжий»: «Вот он маленький, седенький сидит у окна в руках с биноклем и глядит на площадь своего города. Перед ним собор с синими куполами, обнесенный высокой стеной острог с полосатой будкой часового и красный трактир Веденяпина с палисадником в пестрых циниях. Дальше, на крутосклоне белостенный монастырь, а там поля, леса, ветер, грустно-темнеющее небо, вся чудесная Россия. Здесь в недрах ее дед вырос, работал, жил, здесь и умрет»²².

Сегодня увидеть описанную в книге перспективу невозможно. Дом, где сидел на балконе Сергей

Петрович не сохранился. Успенский собор «с синими куполами» стал библиотечно-досуговым центром. Давно нет будки часового и трактира Веденяпина. Только Свято-Тихвинский монастырь стоит там же, где и тогда. В нем покоится прах деда писателя²³.

Сергей Петрович Вышеславцев был на службе с пятнадцати лет²⁴. Начиная он писцом 1 разряда в Керенском уезде суде, а с 1877 года был бессменным председателем земской управы.

Вышеславцева дважды выбирали уездным предводителем дворянства (1878, 1883), но он отнекивался и только в третий раз, в 1902 году, занял этот пост.

Роман Борисович вспоминал:

«Мальчиком я во все глаза глядел, когда дед Сергей Петрович Вышеславцев (отец мамы) иногда (редко) показывал мне родословное древо дворян Вышеславцевых. И я узнавал, что вышли они из Литвы при Василии Темном. Дед рассказывал, что один из Вышеславцевых, воевода, при Иване III умирил Новгородское восстание. Широко разветвленное древо, усеянное множеством кружочков, вызывало чувство ухода в тайну

собственного бытия, в исток рода, в ощущение, что моя маленькая жизнь как-то связана со всем множеством кружочков этого развесистого дерева»²⁵.

«Любил я слушать рассказы об отце деда. Он, оказывается, был в хозяйственном смысле никчемущный помещик. Почти все свое имение в Керенском уезде он пропустил (что во мне вызывало к нему какое-то умиление, мне нравились помещики, пропускавшие свои имения). Деду он оставил всего 200 десятин, да брату столько же»²⁶.

«У деда характер был иной. Смолоду он пошел служить по земству. Почти всю свою жизнь был председателем Керенской земской управы, неким самодержцем уезда. Иногда был предводителем дворянства. Но этого поста не любил: хлопотно, приемы, поездки и пр. Я описал деда в «Коне рыжем»»²⁷.

Беседы с дедом пробудили у Романа интерес к прошлому. История стала его любимым предметом. В гимназии он имел по ней четверки и пятерки²⁸. Возможно, именно здесь – истоки его исторических романов. В январе 1908 года Роман проводил деда в последний путь. Он скончался 2 (15) января, а днем

раньше Роману исполнилось двенадцать лет. Отпевали Сергея Петровича в Успенском соборе. На похоронах был весь Керенск²⁹...

Из некролога «Пензенских губернских ведомостей»: «Деятельность Сергея Петровича выразилась весьма рельефно по земству. Каждая отрасль по хозяйственной части разрабатывалась, разрасталась и проводилась в жизнь его опытной рукою: открытие начальных школ, устройство больничных и лечебных заведений, приведение в лучший вид дорожных сооружений, народного продовольствия в тяжелые неурожайные годы – все это обязано трудам и попечению Сергея Петровича. Благодаря присущей ему бережливости народной копейки, которую он всегда употреблял на более существенное и необходимое, Керенская земская управа никогда не допускала дефицита»³⁰.

Сергей Вышеславцев был среднепоместным дворянином, имевшим 195 десятин земли в деревне Сапеловке (Вишняки) и собственный деревянный дом в Керенске. Сапеловка досталась ему от родителей в 1856 году, накануне отмены крепостного права³¹. Выезды в нее хорошо запомнились Роману

Борисовичу, став для него важным способом постижения России: «Когда по косо-освещенной аллее мы подъезжали к Сапеловке, меня всегда охватывало волнение стариной. Сапеловка – старая усадьба мелкопоместных дворян. Илистый, сроду нечищенный пруд, с которого подойдя, всегда спугнешь диких уток; фруктовый сад с сочной знаменитой родительской вишней; уродливые старухи-яблони, накренившиеся до земли под пестрыми пудами яблок; березовая аллея со стволами, изрезанными порыжелыми инициалами, и на солнечной поляне покосившийся дом с двумя колонами и тремя подгнившими ступеньками. Заслышав бубенцы, нас встречает у подъезда в усадьбу, снявший шапку, однорукий, чернявый Алексей, на конной молотилке по пьяному делу потерявший руку. От него вкусно пахнет хлебом, навозом, кумачём. Босая солдатка с грудями, уродливо перетянутыми передником, несет нам из людской ситника и молока. Мы походим по саду, пособираем яблок, раек, дуль. Дядя Михаил Сергеевич обойдет с Алексеем поля, переговорит обо всем немудренном хозяйстве, и отдохнувшие

лошади, с тем же перезвоном бубенцов, везут нас обратно в Керенск»³².

Как и деда, Роман обожал бабушку Марью Петровну, урожденную Ефремову. «Если бы писал о детстве (а не воспоминания об эмиграции), – говорил он, – я бы много написал о Марье Петровне, которую люблю до сих пор. Но я об этом не пишу»³³. Баба Маша была дочерью коллежского асессора Петра Ильича Ефремова, служившего в Краснослободске винным приставом казенной палаты³⁴. Пётр Ильич вышел из семьи приказнослужителя. В 1843 году, став коллежским асессором, получил потомственное дворянство. Прабабка же писателя, Анна Михайловна, была дочерью купца Михаила Мироновича Рассказова³⁵.

Дед Сергей на личном примере научил внука иметь собственный взгляд на мир, что пригодилось Гулю в дальнейшем. Он «чтил и уважал русские обычаи, не увлекаясь ничем иноземным и чужестранным. Следил за всеми политическими событиями, и среди дел и в часы досуга, и здоровый и больной. Ум покойного, обогащенный знанием жизни, опытом, не был засорен готовыми

предвзятыми идеями. Нельзя было увлечь его одной нарядностью какого-либо учения, нельзя было навязать ему чужой мысли, заставить говорить с чужого голоса. Во всех его суждениях выражалась твердость, устойчивость убеждений»³⁶.

Отец Романа, Борис Карлович, был нотариусом. Он родился в Тамбовской губернии, в семье земского врача Карла Иосифовича Гуля, жившего в селе Калугино Кирсановского уезда³⁷. По воле отца Борис обучался в 1885-1886 годах в Московском реальном училище, затем в технологическом училище³⁸, из которого был уволен, так как не смог заплатить за учебу. Не склонный к технике, Борис самостоятельно изучал юриспруденцию³⁹. Успешно сдал экзамен на нотариуса и в 1891 году, под Рождество, приехал в Керенск⁴⁰, где вскоре и встретился с Ольгой Вышеславцевой – дочерью правителя Керенского уезда, будущей супругой. По словам Романа Борисовича, у его родителей был счастливый брак⁴¹.

Нотариальная контора Бориса Карловича Гуля располагалась на улице Дворянской, в доме Ранцовой⁴². Жизнь уездного нотариуса была небогатой, поэтому супруги, при содействии Сергея

Петровича, быстро перебрались в Пензу. Борис Гуль поменялся местом нотариуса с Николаем Шванебахом⁴³ и 8 июня 1894 года вступил в должность нотариуса губернского центра⁴⁴. С внесением положенного для занятия должности денежного взноса также помог тесть⁴⁵.

В Пензе у Бориса и Ольги Гулей родились два сына – Роман и Сергей. Роман – в 1896 году, Сергей – в 1894 году.

По день своей кончины 6 декабря 1913 года Борис Карлович был нотариусом Пензы. Его нотариальная контора находилась на улице Московской⁴⁶. Роман Борисович запомнил контору отца и позднее описал ее (это описание нотариальной конторы, находившейся в собственном доме Гулей – де-юре он принадлежал матери – на улице Московской)⁴⁷: «В отцовской нотариальной конторе человек десять-двенадцать писцов (ах, как они каллиграфически писали!); в доме прислуги семь человек; во дворе конюшня на четыре стойла: для двух верховых (моей и брата), рысака и рабочей лошади; коровник для молочной голландки; курятник с множеством кур (рыжих кохинхинов и пестро-серых плимутроков);

большой сеновал, где я устроил голубятню. Состоятельные пензяки в те времена жили как помещики»⁴⁸.

Борис Карлович являлся не только нотариусом, но и общественным деятелем Пензы. Он был гласным Городской думы Пензы, входил в Правления Лермонтовского общества и Общества взаимного кредита, драматического кружка. В первую русскую революцию Борис Карлович Гуль – один из отцов-основателей пензенского отдела партии кадетов (конституционных демократов). Он - активный участник местной политической жизни, приятель журналиста Николая Федоровича Езерского, председателя правления местной Лермонтовской библиотеки и депутата I Государственной Думы России от кадетов. Борис Карлович, как писал сын, имел «широкую и отзывчивую» душу и всего в жизни «добился своим упорным трудом»⁴⁹. Роман любил отца и всегда видел в нем пример. Политические взгляды Гуля-старшего были и политическими взглядами Гуля-младшего⁵⁰.

Успешная карьера Бориса Гуля прервалась из-за болезни. У него был сахарный диабет и гликозурия⁵¹.

Последние годы жизни Борис Карлович практически не работал, лечился. Он умер в сорок шесть лет. Прощаясь, попросил сыновей беречь мать и быть честными⁵².

Семья Гулей была состоятельной. В Пензе у Гулей на месте современного фонтана на улице Московской был двухэтажный каменный дом, а в селе Конопать Инсарского уезда (ныне Республика Мордовия) – имение. Пенза, Конопать, Керенск, Сапеловка – это места детства и юности писателя. Здесь Роман впервые знакомился с Россией, о которой потом так проникновенно писал.

Конопать: «К усадьбе шла малоезжая дорога, на лесной опушке стоял бревенчатый дом с резными карнизами и коньками и с широченным балконом, с которого виднелось лоскутное одеяло полей, а всем своим тылом дом выходил в шум березового леса. Летний день в имении шел, как обычно. Брат крутился возле ломящих рожь лобогреек, две четверки лошадей с шумом волочат красные, машущие крыльями машины. По двору в телятник проходит суровая старуха, моя чудесная няня Анна Григорьевна Булдакова; за свою жизнь где она

только не постранствовала, ходила апостольским хождением на Соловки, в Оптину пустынь, в Саров, к Троице-Сергию, в Киевскую лавру, обошла все святые русские места и дважды носила свою веру в Иерусалим. Но сейчас она в заботах о телятах, сепараторах, маслобойках. В саду с садовником и подсадчиком меж яблонь ходит в легком платье мать, осматривает, удались ли весенние прививки; перед балконом цветут ее любимые чайные розы и пестротой цветов ребят клумбы и рабатки. В кузнице равномерно ударяет молот кузнеца нижегородца Павла. На каурой кобыле, нахрячив воз сена до небес, с тихим скрипом везет его к конюшне старик Антон, бродяга и запойный пьяница. С почты на беговых дрожках въезжает в усадьбу Степка, с оттобучившейся от журналов и газет кожаной сумкой... Вечером в людской рябая стряпка Степанида тащит на стол дымящиеся щи. А из нашего дома вырывается «rondo» Моцарта «allatüreа», это, зажегши у пианино свечи, играет мать. Но деревенская ночь падает быстро и скоро жизнь на усадьбе затихает. Усадьба спит, охраняемая лаем

десятка собак; а вдалеке, за черным горизонтом, полыхают еле видимые зарницы»⁵³.

Вместе со старшим братом Роман Гуль учился в I мужской гимназии Пензы. Класс был большой – 32 человека. Учился Гуль старательно, на второй год никогда не оставался. В таблице приведены его оценки в выпускном 8 классе, 1913-1914 учебный год⁵⁴:

	1 четверт ь	2 четверт ь	3 четверт ь	4 четверт ь	Сред -няя
поведение	5	5	5	5	5
прилежание	4	4	3	3	3
внимание	3	3	3	3	3
предметы					
Закон Божий	4	4-	5-	4	4
Русский язык	3	4	4	4	4
Логика	4	4	4	4	4
Латинский язык	3	3	3	3	3
Алгебра	3	3	3	3	3
Тригонометрия	3	3	3	3-	3
Физика	4	4	-	3	3

Математическая география	4	4	4	4	4
История	4	5	5	4	4
Немецкий язык	3	3	3	3	3
Французский язык	4	4	3	4	4
Законоведение	4	5	4	4	4

Как видно, писатель был «гуманитарием», имел отличные оценки за поведение, но удовлетворительные за прилежание и внимание. Много лет спустя Роман Борисович так опишет свою гимназическую «альма матер»: «Здание Пензенской гимназии необычайно обширно, мрачно, бывший дворянский пансион Николаевской эпохи: гулкие коридоры, грандиозные классы с громадными окнами в сад, портреты царей в актовом зале, где столы накрыты зеленым сукном с позументом. Обучались тут наукам – неистовый Виссарион Белинский, террорист Каракозов с товарищами Иштутиным, Загибаловым, Ермоловым, дворяне-революционеры Войнаральский, Теплов. Стройными рядами маршировали на молитву гимназисты в серых полувоенных куртках; молилась – пела хором – вся гимназия: на правом фланге второклассников стоит

высокий, вихлястый темный шатен, красивый мальчик, под ежика, серые странноразрезанные, чуть навывкате глаза, в фигуре что-то неуравновешенное, но сильное и упорное. Это – Тухачевский»⁵⁵.

Одновременно с Михаилом Тухачевским, будущим советским маршалом, с Романом учился и советский писатель Александр Малышкин. Роман Гуль был во втором классе, когда Александр Малышкин оканчивал гимназию, а Тухачевский учился в 3 «а», когда Гуль поступил в 1 «б»⁵⁶. Писатель Малышкин вышел из гимназии с серебряной медалью, а маршал Тухачевский являлся твердым «троечником». При отличном поведении он имел «двойки» по прилежанию и вниманию, а также «два» по географии⁵⁷. Гуль Малышкина проигнорирует и напишет книгу только о Тухачевском.

В выпускном классе гимназии Роман Борисович узнал историю рода Гулей. Возможно, это был первый опыт самостоятельной работы писателя с историческими источниками: «я нашел старинную, свернутую в трубку бумагу: свидетельство о крещении младенца Карла в протестантской церкви в

Царском Селе. В свидетельстве было указано, что младенец внебрачный и что родители его отец – ротмистр Ея Величества кирасирского полка, светлейший князь Иосиф Иосифович Вреде, а мать Каролина Гуль. Были указаны и воспитатели. Помечен документ был 1834 годом»⁵⁸. Роман мало что понял из документа и пристал с вопросами к брату отца – Сергею Гулю. Тот и поведал ему историю фамилии.

Оказалось, что Карл Иосифович, дед писателя, был внебрачным сыном князя Иосифа Вреде, а прапрадед писателя Карл Вреде – генералом, сподвижником Наполеона, графом Французской империи. В 1812 году он руководил баварской дивизией в составе Великой Армии, пришедшей в Россию. После «Битвы народов» под Лейпцигом в октябре 1813 года Бавария отвернулась от Наполеона и Карл Вреде, ставший фельдмаршалом, воевал против Франции. Мать Карла – Каролина Гуль, шведка по национальности, «была женщиной необыкновенной красоты». Расставшись с Каролиной, князь Вреде всю жизнь платил ей пособие. Поддерживал финансово и сына, с которым

отношения не сложились. Роман не был знаком ни с дедом Карлом (он умер до рождения писателя), ни с бабушкой Катей (его супругой из рода Аршеневских), которая жила в Тифлисе (ныне – Тбилиси)⁵⁹. История Гулей для него была более книжной, чем живой – это отличало ее от прошлого семей Вышеславцевых-Ефремовых, с которыми Роман общался. Но, несмотря на это, он собирал семейные портреты всех своих предков. Они висели в его комнате в инсарской усадьбе, пока в революцию ее не сожгли крестьяне⁶⁰.

После гимназии Гуль поступил на юридический факультет Московского университета. Пошел по стопам отца, но юриспруденция, его «не увлекала»⁶¹. И Роман переключился на философию. Он занимался в семинаре Ивана Ильина, тогда приват-доцента юридического факультета, после революции, уже в эмиграции, ставшего известным философом. Ильин порекомендовал Гулю книги для первоначального философского образования: сочинения Сократа, Платона, Канта, Гуссерля, Фрейда и Сергея Трубецкого⁶². Прочитать книги Роман не успел. С

третьего курса юридического факультета попал в школу прапорщиков.

«Я тогда еще не знал, что человек может быть переделываем жизнью, – вспоминал Гуль. – Мы – студенты, но идя строем к каптенармусу, уже даем ногу, и в мерном ударе общей ноги есть даже какое-то удовольствие. В цейхгаузе, заваленном штанами, гимнастерками, сапогами, в беспорядочном набросе которых чудится что-то трупное, мы переодеваемся во все защитное; все наголо острижены. И, выстроившись в две шеренги, стоим перед рослым, жилистым полковником, украшенным боевыми орденами; на его скуластом лице загар войны, фронта, боев; мужественным голосом он обращается к нам:

– Господа юнкера! До сих пор вы учились в университетах, но сейчас вы мобилизованы и пришли учиться совершенно другой науке. Вы пришли учиться, – говорит полковник, – науке убивать, это трудная наука и вы преуспеее в ней тем лучше, чем скорее забудете то, чему до сих пор учились...»⁶³.

После школы прапорщиков Роман Гуль возвратился в Пензу. Здесь находился 140-й

пехотный запасной полк. «Это – самая что ни на есть последняя инфантерия, самая последняя пехтура», - вспоминал писатель⁶⁴. Впрочем, у Гуля был выбор. Он окончил школу одним из лучших и мог выбрать сам место службы. В Московский гренадерский полк, например, как предлагали. Но Роман Борисович выбрал Пензу – в городе детства одна жила мать, а он, как и брат, обещал отцу, что будет ее беречь. Всю жизнь Ольга Сергеевна была с сыновьями (за исключением небольшого периода гражданской войны). Страницы же романа «Конь рыжий», где Роман Гуль рассказывал о матери, Иван Бунин считал «превосходными»⁶⁵.

¹ Гуль Р.Б. Я унес Россию. М.: Б.С.Г. – ПРЕСС, 2001. Т. III. С. 28. Намерение Р. Б. Гуля написать воспоминания по примеру Шатобриана, зафиксировано в письме к дочери Сталина С. И. Аллилуевой от 8 июля 1970 года. См.: Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. III. С. 391.

² Там же.

³ Там же. С. 28-29.

⁴ Хобсбаум Э. Век Империи. 1875–1914. Ростов н/Д : Феникс, 1999. С. 12.

⁵ Красное колесо – художественный образ Российской революции 1917 года; введен А. Солженицыным.

⁶ Ильин В. Н. Русская наука. М. : Дом Русского зарубежья, 2017. С. 74-75.

⁷ Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. III. С. 345.

⁸ Там же. С. 242.

⁹ Глэд Д. Беседы в изгнании. М. : Книжная палата, 1991. С.40-41.

-
- ¹⁰ Гуль Р. Б. Я унес Россию. М.: Б.С.Г. – ПРЕСС, 2001. Т. I. С. 96; Довлатов С. Собр. соч. СПб : Азбука, 2000. Т. 2. С. 45.
- ¹¹ Довлатов С. Указ. соч. С. 92-93.
- ¹² Фибиш Д. Двужильная Россия. М. : Первое сентября, 2010. С. 32-33.
- ¹³ Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. I. С. 93.
- ¹⁴ Гуль Р. Отрочество // Новый журнал. Нью-Йорк, 1986. Кн. 164. С. 33.
- ¹⁵ Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. III. С. 233.
- ¹⁶ Набоков В. Другие берега. Ленинград : Политехника, 1991. С. 24-25.
- ¹⁷ Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. I. С. 34-35.
- ¹⁸ Гуль Р.Б. Я унес Россию. Т. I. С. 35; Гуль Р. Моя биография // Новый журнал. Нью-Йорк, 1986. Кн. 164. С. 32.
- ¹⁹ Гуль Р. Моя биография. С. 32.
- ²⁰ Там же. С. 15.
- ²¹ Елагин И. Собр соч. М. : Согласие, 1998. Т. 2. С. 234, 238.
- ²² Гуль Р. Конь рыжий. Нью-Йорк, 1952. С. 11.
- ²³ Пензенские губернские ведомости. 1908. 13 января. С. 2.
- ²⁴ ГАПО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 23.
- ²⁵ Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. I. С. 28.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. С. 29.
- ²⁸ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 58. Оп. 1. Д. 572. Л. 127об-128.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Пензенские губернские ведомости. 1908. 13 января. С. 2.
- ³¹ Гуль Р.Б. Я унес Россию. Т. I. С. 28.
- ³² ГАПО. Ф. 60. Оп. 10. Д. 442. Л. 1148.
- ³³ Гуль Р. Конь рыжий. С. 16.
- ³⁴ Гуль Р.Б. Я унес Россию. Т. I. С. 28-29.
- ³⁵ ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 804. Л. 4 об-8.
- ³⁶ Там же. Л. 3 об-4; 22.
- ³⁷ Пензенские губернские ведомости. 1908. 13 января. С. 2.
- ³⁸ ГАПО. Ф. 42. Оп. 10. Д. 123. Л. 3.
- ³⁹ Там же. Д. 119. Л. 4об-5.
- ⁴⁰ Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. I. С. 36
- ⁴¹ ГАПО. Ф. 42. Оп. 10. Д. 119. Л. 8.
- ⁴² Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. I. С. 37.
- ⁴³ ГАПО. Ф. 42. Оп. 10. Д. 119. Л. 19.

-
- ⁴³ ГАПО. Ф. 42. Оп. 10. Д. 119. Л. 27; 31.
⁴⁴ Там же. Л. 37.
⁴⁵ Гуль Р.Б. Я унес Россию. Т. I. С. 37.
⁴⁶ ГАПО. Ф. 42. Оп. 10. Д. 119. Л. 48, 49, 135, 165.
⁴⁷ Там же. Л. 165.
⁴⁸ Гуль Р.Б. Я унес Россию. Т. I. С. 57.
⁴⁹ Гуль Р.Б. Я унес Россию. Т. I. С. 36-38.
⁵⁰ Гуль Р. Конь рыжий. С. 22; Гуль Р. Моя биография. С. 16.
⁵¹ ГАПО. Ф. 42. Оп. 10. Д. 119. Л. 110.
⁵² Гуль Р. Конь рыжий. С. 22.
⁵³ Гуль Р. Конь рыжий. С. 26.
⁵⁴ ГАПО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 572. Л. 127об-128.
⁵⁵ Гуль Р. Из книги «Тухачевский. Красный маршал» // Новый журнал. Нью-Йорк, 1986. Кн. 164. С. 81.
⁵⁶ ГАПО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 352. Л. Л. 48об-49; 122об-123; 183об-184.
⁵⁷ Там же. Л. 122об-123.
⁵⁸ Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. I. С.29-30.
⁵⁹ Там же. С. 30-32.
⁶⁰ Там же.
⁶¹ Там же. С. 39.
⁶² Там же.
⁶³ Гуль Р. Конь рыжий. С. 33.
⁶⁴ Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. I. С. 40.
⁶⁵ Там же. С. 5.

Русский бунт

Роман Гуль ждал революцию, как ждали ее и другие молодые пензяки. В 1917 году Роману Борисовичу, прапорщику 140 пехотного полка, расквартированного в Пензе, был двадцать один год. О революции в Петрограде ему сообщил однополчанин Арбузьев, чей отец работал инженером на пензенской станции Рязано-Уральской железной дороги. Был вечер 28 февраля (13 марта). Телеграмма за подписью председателя IV Государственной думы Михаила Родзянко, возглавившего Временный комитет Государственной думы, взявший 27 февраля власть в Петрограде, сообщала о падении самодержавия.

Она была адресована железнодорожникам. «Железнодорожники, - говорилось в ней, - старая власть, создавшая разруху во всех областях государственной жизни, оказалась бессильной. Комитет Государственной Думы, взяв в свои руки

оборудование новой власти, обращается к вам от имени отечества: от вас теперь зависит спасение родины. Движение поездов должно поддерживаться непрерывно с удвоенной энергией. Страна ждет от Вас больше чем исполнение долга – она ждет подвига. Слабость и недостаточность техники на русской сети должна быть покрыта вашей беззаветной энергией, любовью к родине и сознанием своей роли транспорта для войны и благоустройства тыла»¹.

На следующий день о революции знала вся Пенза (о телеграмме говорили шепотом, – писал местный журналист, – но этот шепот был слышнее любого набата), а вечером 1 марта сообщение о перевороте получил и губернатор А. А. Евреинов².

Роман Гуль встретил новость радостно. «Может быть потому, что тяготили неудачи на фронте, затянувшаяся война, немощность правительства, распутинские скандалы - вспоминал он, - но нет, вовсе не поэтому, а почему-то совсем другому...»³. Вот это неоговоренное *«почему-то другому»* и было главным источником радости. В «Ледяном походе»

Гуль выскажется более определенно: он верил в революцию как путь избавления от старого порядка, при котором общество находилось в кабале у власти. Огромную роль в такой оценке событий сыграли политические взгляды покойного отца. «Отец мой был член конституционно-демократической партии Народной Свободы (русские либералы), – вспоминал Роман Борисович в автобиографии. – В революцию я сочувствовал идеям этой партии и воспринимал революцию как демократ. Я был противником монархии, сторонником республики, демократии и социальных реформ. В частности, передачи земли крестьянам, хотя я сам происхожу из помещицкой семьи – у нас в Пензенской губернии было имение»⁴.

В такой позиции Романа Борисовича отражалась эпоха. «Целое столетие, – указывает историк, – предшествовавшее Первой мировой войне, считалось, что Европа уверенно движется в направлении политической либерализации, гражданских прав и конституционного управления посредством избираемой власти, хотя и необязательно в республиканской форме»⁵.

Российская империя не была исключением. Представительное правление, политические и гражданские свободы, охватывающие новые слои населения, таким считался правильный вектор развития страны. Все, что препятствовало этому, было архаикой. Общество хотело само участвовать в управлении страной, но царь ограничивал власть Думы и управлял с помощью бюрократии. Это вызывало негативное отношение к монархии, толкало молодежь к революции.

Роман Гуль *неслучайно* читал запрещенные книги Александра Герцена и знакомился с историей революционного движения в России. Как и Фибих, он искренно верил в *волшебство революции*, в ее возможность быстрого раскрепощения общества и создания нового человека.

«В сущности, я социалист по своим взглядам и убеждениям, – писал Даниил Фибих в своем дневнике 22 марта 1916 года. – Я знаю, что будущая жизнь человечества будет прекрасной и что скорейший способ сделать ее таковой – это произвести социальную революцию. Надо орудия

производства вырвать из рук отдельной группы промышленников-капиталистов и вручить их пролетариату, то есть всему народу. Тогда не будет тех резких различий между классами, как теперь, когда одна часть умирает с голоду, а другая – купается в золоте. Тогда и вся жизнь примет другой вид»⁶.

Волшебство революции для обоих писателей наглядно воплотилось в ее первые дни. Они пишут об одном и том же, о революции в Пензе, но с дистанцией в тридцать пять лет. Гуль в романе «Конь рыжий» после Второй Мировой войны, Фибих – в своем дневнике, в марте семнадцатого. Взгляд непосредственный и взгляд ретроспективный, но в главном – в радости события – полностью совпадающие.

Роман Гуль: «Меж бараками по снегу пробегают серые шинели, нагоняют друг друга, толпятся, о чем-то говорят, узнать бы о чем? Везде полуголоса, шепоты, все чего-то напряженно ждут. И вдруг в роту вбегает побледневший прапорщик Крылов: потрясающее известие: царь отрекся! Он

рассказывает, что командир полка в кабинете упал в обморок. В собрании офицеры смяты. А в бараке я не могу даже узнать своих солдат. Со стены сорвали портрет царя, в клочья топчат его сапогами, будто никаких царей в России никогда и не бывало. Солдаты ругаются, приплясывают, поют, словно накатило на них веселое сумасшествие, словно начинается всеобщее счастливое землетрясение. Еще вчера они даже не знали это трудное для мужицких губ слово, а сейчас кричат: «Ура, революция!!!». И я, двадцатилетний республиканец, чувствую, как спадает моя радость, убитая совсем другой радостью солдат. Из офицеров я в бараке один, кругом меня хаос криков: «Урррраааа!!!». «Да здраавствуееет!!!».

И крики эти будто вылетают не из глоток, а из каких-то таких опьяняющих глубин, что того и гляди эта безумная радость перехлестнет берега и все затопит. Это радость какой-то всеобщей распутицы, в которой тонут люди, лошади, телеги, и хоть все, может быть, и утонут, но сегодня почему-то очень радостно. У солдат сразу все стало иным; изменились

лица, жесты, движения, голоса. Это другие люди. И это зрелище и захватывающе и страшно. Это, вероятно, то мгновение, которое называют революции великими. Может быть оно одно и есть революция, а завтра его уже не будет? Но сегодня все закачалось, затанцевало. Так почему же с чувством тревоги ощущаю я взрыв этих сил? он мне чужд. Я ему даже супротивен, ибо я не хочу этой всеопрокидывающей, всеразрушающей, всему угрожающей стихии»⁷.

Даниил Фибих: «5 марта. Вчерашний день богат событиями. Я видел, как Пенза отозвалась на счастливую революцию. И при этом я видел многое, взволновавшее меня. Я вышел из дома днем и натолкнулся на характерную сценку. По другой стороне улицы шли, обнявшись, два солдата и нестройными голосами пели «Дружно, товарищи, в ногу...». Повстречался с ними какой-то прапорщик, остановил их, но затем пошел дальше. Через некоторое время их остановил другой офицер, шедший по моей стороне. Он долго всматривался в

них и наконец окликнул их, подозвал к себе и начал спрашивать, какого они полка.

– Вы, наверное, напивлись?

– Так точно, – почтительно отвечают солдаты. – Ваше благородие, Россия воскресла!

– Верно, голубчик, верно, но зачем же непременно напиваться? Неужели без этого обойтись нельзя. Нам сейчас всем надо быть трезвыми, надо работать, а не пьянствовать. Вот если бы вы были трезвые, тогда другое дело, тогда я бы слова не сказал, – говорил офицер, как мне казалось, нарочно громко, видя, что несколько прохожих остановились, слушая.

Какая-то ветхая старушонка вообразила, что солдата будут за это наказывать, и слезливым голосом обратилась к офицеру, прося этого не делать. Солдаты принялись успокаивать ее.

– Иди, иди, бабка, иди. Теперь не то. Теперь мы все одна семья.

Чем это кончилось, я не знаю, так как давно уже слышал где-то поблизости крики «ура» и теперь поспешил туда. На перекрестке Садовой и

Суворовской улиц стояла толпа манифестантов. На дороге стройно, рядами стояли полки солдат, и оттуда гремело «ура». Толпы публики, взбудораженные, лихорадочные, окружали их. У всех, даже у солдат, лица были какие-то другие, светлые»⁸.

Рассказывая о марте семнадцатого года, Роман Борисович, лукавит, но это лукавство свойственно мемуаристам, приписывающим задним числом себе мысли, пришедшие к ним потом. «Чувство тревоги» появилось у Романа Гуля несколько месяцев спустя, когда он оказался на фронте, летом 1917 года. Здесь, «под пулеметными очередями и разрывами бризантных снарядов»⁹, в окопах, к Гулю пришло ясное осознание разного понимания свободы им и солдатами. Он увидел: крестьянам в солдатских шинелях политические свободы совершенно не нужны, для них революция – это обычный бунт, такой, каким был у их предков: свержение плохого царя и возведение царя нового, хорошего, который даст им землю. Солдаты не понимали связь между политическими и гражданскими правами.

«Конь рыжий»: «Контуженный, бессильный капитан Грач, командир батальона, уговаривает солдат подчиниться приказу, выступить, спасти начатое наступление. Но на на сцену театра выбежал загорелый солдат, в шинели внакидку, с космами выбившихся волос, с затравленными глазами и ременным поясом почему-то на шее. Этот солдат-кликуша закричал:

– Вот ты говоришь о Расее и мы, конечно, с тобой солидарны, а говоришь се-таки неправильно! И вот я спрошу тебя по-своему, пачему ты затростил об ей, Расее?! У тебя фабрики, да заводы, да именья, вот у тебя и Расея, ты и голосишь, чтоб воевать. А у меня, к примеру, где они мои именьи-то? Где?! – с остервенением закричал солдат. – Кады они у меня были?! У меня и земли-то всей, что под ногтями... вот она моя Расея! Да чем я ей, Расее, виноват, раз я всю жизнь на господов работал, раз у меня ничего в ей не имеется! А по-нашему, по неученному, раз слободно для всех, то кому надо, поди да воюй, а меня не трожь, повоевали и будя!

– Довольно обдуряли нашего брата... замудровали... – зашумели солдаты.

Грач беспомощно смотрит на офицеров. Просит выступить меня. Но что я скажу? Ведь кликуша-солдат в чем-то и прав? Конечно, для меня дело не в имени «оплаканном» еще в отрочестве. У меня есть за что идти, у меня есть Россия. А у них? Это страшно сказать, но я знаю, что у них нет ничего. Стиснутый толпой, я лезу на сцену и, отвечая «предыдущему оратору», начинаю речь о том, что Россия такая же родина моя, как и его, но я, конечно, знаю всю лживость и не подлинность таких уверений.

– Ты сперва землю отдай, а тады на хронт! – кричит солдат с черной развороченной бородой»¹⁰.

У крестьян было большое желание истребить всех, кто был господами. Чуть позднее, Роман Борисович ощутил его на себе, оказавшись в плену у петлюровцев.

«*Жизнь на фукса*»: «Сзади меня стоят лет по девятнадцати петлюровцы-мальчишки. Который постарше – курнос до жалости, сзади у него –

татарские щели. Он тыкает в воздух пальцем и, обращаясь не то к воздуху, не то к соседу, вполголоса сообщает:

– Це убив бы, це убив бы, це убив бы.

Я понимаю: это он примеряет желанья к лежащим вокруг яблокам голов. Выбирает постарее чинами, понеприятней видом, с кавалерийскими усами, с проборами, в штатских пенснэ. Вообще тех, которые триста лет кровь пили. Ах, Россия, Россия! Шутка ли дело. В 1918 году ты должна была отстреляться за триста лет!»¹¹.

Письма из дома, от матери, оставшейся в Пензе, укрепляли Гуля в разном понимании революции им и народом. *«Ледяной поход»*: «Получил телеграмму: «Именье разграблено, проси отпуск». Командир отпускает, обнимает, провожает. Еду в обозе второго разряда. Сел на поезд. Все серо – все переполнено. Серые шинели лежат на полу, сидят на скамьях, лежат на полках для вещей. Тронулись. Я смотрю на лица солдат: на всех одна и та же усталая злоба и недоверие. С дороги пишу знакомым: «кругом меня все серо, с потолка висят ноги, руки... лежат на полу,

в проходах. Эти люди ломали нашу старинную мебель красного дерева, рвали мои любимые старые книги, которые я студентом покупал на Сухаревке, рубили наш сад и саженные мамой розы, сожгли наш дом... Но у меня нет к ним ненависти или жажды мести, мне их только жаль. Они полузвери, они не ведают, что творят»¹². Усадьба в Конопати была разгромлена 25 октября. Газета «Пензенская Речь» сообщала: «Владелица, услышав о разгромах в Саранском уезде, просила помощи у губернского комиссара, который ограничился посылкой телеграммы Инсарскому комиссару. <...> Тогда экономка госпожи Гуль обратилась к крестьянам своего села, чтобы они взяли на сбережение инвентарь, а хлеб купили бы. Сход согласился на это предложение и начали мирно отвешивать рожь, а часть мебели перевезли в дом священника и учительницы. В это же время явились крестьяне села Евлашева и стали требовать хлеб и себе. Затем толпа окружила жилые 2 дома и расхитила и разгромила их с полной обстановкой и посудой. Погибла библиотека в 1000 томов, из домов выломаны окна,

двери, полы, словом к вечеру остались остовы всех жилых помещений. Экипажи, сбруя, сани – все расхищено»¹³.

Разочарование Романа Гуля в революции сродни разочарованию в ней Максимилиана Волошина. У двух писателей даже образ революции оказался одним: женщина-свобода с картины французского художника Эжена Делакруа «Свобода, ведущая народ» (1830). Гуль: «Я чувствовал всю шкурную мерзость всякой «политики». Я видел, что у прекрасной женщины Революции под красной шляпой, вместо лица – рыло свиньи»¹⁴. Волошин: «Она мне грезилась в фригийском колпаке, // С багровым знаменем, пылающим в руке, // Среди взметённых толп, поющих Марсельезу, // Иль потрясающей на гребне баррикад // Косматым факелом, под воющий набат, // Зовущей к пороху, свободе и железу. // В те дни я был влюблён в стеклянный отсвет глаз, // Вперённых в зарево кровавых окоемов, // В зарницы гневные, в раскаты дальних громов // И в жест трагический, и в хмель красивых фраз. // Тогда мне нравились подмостки

гильотины // И вызов, брошенный гогочущей толпе,
// И падающие с вершины исполины, // И карлик
бронзовый на завитом столпе»¹⁵.

Волшебство революции проходило. Она открыла темные стороны человека. Социолог Питирим Сорокин констатировал: «Поведение человека «оголяется». Это значит, что в первой своей стадии революция неизбежно ведет к «деморализации» <...> гаснут те религиозно-морально-правовые рефлексы, которые тормозят убийства и посягательство на здоровье и телесную неприкосновенность»¹⁶. Во второй стадии революции, если первая не привела к гибели общества, происходит, по Сорокину, «возрождение религии, права, морали»¹⁷.

Роман Гуль наблюдал вживую первую стадию. При ее описании он был краток: «Да, уважаемый читатель, 1918 год отличался от иных лет тем, что жившие в нем люди легко превращались в вещи. Людей не было. Овеществлена была вся Россия. Овеществление производилось арестами. Арестовывали белые. Арестовывали красные»¹⁸. Дегуманизацию заметил и писатель Евгений Замятин.

Но в отличие от Сорокина, и что ближе к Гулю, он воспринял ее не как первую стадию революции, а как рождение новой эпохи, когда люди, предав свободу, становятся номерами Единого государства. Замятин писал: «инстинкт несвободы издревле органически присущ человеку»¹⁹. Государство, описанное Замятиным в романе «Мы» (1920), рождалось на глазах и Гуля (с самим писателем Роман Борисович познакомится в эмиграции). Много лет спустя, работая над воспоминаниями Гуль признавался, что в годы революции в нем жило некое «ночное чувство»: «и теперь, через шестьдесят лет, ко мне то и дело возвращается это ночное чувство. Кажется, что стремительный лет России в бездонную пропасть не кончился и через шестьдесят лет, что Россия все еще куда-то летит и летит, не достигая дна. А до дна дойдет только во всеобщем космическом атомном катаклизме, когда и она и другие страны превратятся в отравленные полупустыни с миллионами трупов»²⁰.

Пессимизм Гуля понятен. На глазах писателя формировалась «диктаторская Европа», происходил отказ от ценностей, которые он считал нормальными:

свободы и демократии. И начало этому процессу положила Россия. К окончанию Первой Мировой войны, писал Эрик Хобсбаум, «Европа состояла из парламентских государств того или иного типа, за исключением разрываемой войнами и революциями Советской России. Однако почти сразу же вслед за окончанием войны вектор политического развития сменился на полностью противоположный. Европа, а вместе с ней и большая часть земного шара, отошла от политической либерализации. К середине Второй мировой войны не более двенадцати из шестидесяти пяти государств межвоенного периода могли похвастаться чем-то наподобие конституционных избранных правительств. Политические правые режимы, которые, возобладали повсюду, кроме России, были в принципе враждебны демократии. Коммунистический режим, еще не вышедший за пределы России, провозглашал себя демократией согласно теории и номенклатуре, но на деле был неограниченной диктатурой»²¹. Возращение к демократии началось только после Второй мировой

войны, во второй половине XX века, и Советский Союз не был в числе первых.

Расставание с мечтой было болезненным. Нравственно трудным. Вернувшись с фронта домой, в Пензу, осенью 1917 года, Роман Борисович пытался убедить себя, что увиденное им исключение, а не правило, и что можно группой отважных людей спасти волшебство революции, остановить разгул примитивных инстинктов.

Получив приглашение на Дон, к Корнилову, Гуль решает ехать. Воевать за Россию, Учредительное собрание и республику. Решающим аргументом в движении к Корнилову оказывается убийство в Петрограде кадетов Шингарева и Кокошкина, солдатские бесчинства и зверская расправа пензенских крестьян над хорошо знакомой Роману Гулю местной помещицей Марьей Лукиной²².

«Я по-особому волновался, когда вышел из дома посмотреть свою Пензу, – пишет он в «Коне рыжем». – Дошел до Московской улицы, она неузнаваема. Как по всей России, тротуары по щиколотку залузганы шелухой семячек, от них снег грязносерый, окна и

двери разгромленных магазинов забиты досками. Все наводнено проезжающими, бегущими с фронта солдатами, они, никому не сторонясь, идут по тротуарам, по снегу мостовой, вооруженные, в шинелях нараспашку, внакидку, без погон, без поясов, сплевывают на сторону подсолнухи; едут на извозчиках пьяные, расхлястаные, с винтовками на коленях и дико поют какую-то азиатчину. На базарной площади они самосудом убили проезжавшего с фронта неизвестного штабс-капитана, только за то, что не снял еще золотые офицерские погоны, эту самую лютую, самую жгучую солдатскую ненависть, и, связав ему ноги веревкой, протащили его голый труп по улицам Пензы. «Пенза страшна, как страшна вся Россия», думаю я, идя в толпе солдат по Московской»²³.

Текст подразумевает, что расправа над офицером случилась зимой. Но самом деле – в мае. Гуль вспоминает то, что слышал сам до отправки на фронт (очевидцем происшествия он, видимо, не был). И эти события теперь предстают перед ним в ином виде. Без какого-либо оправдания революцией.

За давностью лет детали происшествия стерлись в памяти Романа Борисовича, но от этого расправа оказалась не менее ужасной.

Убитым был капитан Изборского полка Жигарев, прибывший 22 мая с фронта в Пензу. Солдатам на вокзале не понравилось, что он назвал их «милягами» и призвал ехать на фронт. Солдаты избили его, а затем раненого добили в земской больнице. Медсестры, оказывавшие помощь Жигареву, вспоминали очевидцы, «открыли окно, перед которым стояла тысячная толпа, прося, чтобы их не трогали. Одна часть толпы кричала, что нужно за сокрытие расправиться и с сестрами, а другая отговаривала. Несколько солдат, вскочив в окно перевязочной, схватили Жигарева и выкинули его в окно. Тогда толпа, накинувшись на него, стала наносить ему удар за ударом пинками, палками и снятыми с него сапогами. В этот момент сквозь толпу пробился высокого роста драгун и крикнул: «Товарищи, расширьте круг, об него не стоит марать руки!» и, обнажив шашку, несколькими ударами убил Жигарева. Затем толпа схватила труп, вытащила

его из больничной ограды и продолжала издеваться над бездыханным телом, при этом некоторые сняли с него часы и кольца. Окровавленную шинель Жигарева схватили четыре солдата и отправились, по их словам, пропивать. Затем толпа решила подвесить труп для публичного обозрения на телефонный столб. Подтащив труп к столбу и, обвязав ноги веревкой, начали поднимать его кверху. От тяжести трупа веревка два раза обрывалась. Труп падал на землю. Толпа при падении трупа кричала «бис» и рукоплескала, но все же осталась недовольна и решила третий раз его подвесить. Кто-то принес из парка лестницу, с помощью которой труп был окончательно подвешен, и толпа снова стала издеваться над повешенным трупом: жгли волосы, плевали и поносили труп самыми скверными словами. Поиздевавшись над трупом, часть толпы разошлась. Затем труп был снят и отправлен в часовню»²⁴.

В Пензе Гуля держала мать. Он не желал с ней расставаться. Но он не хотел казаться и трусом и поэтому поехал на Дон. Вместе с братом Сергеем.

Они уехали из Пензы на Рождество 1918 года, надеясь, что оно будет счастливым, и там, в казачьих краях родится все-таки *новая чаемая ими Россия*.

Страна свободы и демократии. А они, двадцатилетние мальчики» введут разбушевавшийся «всероссийский потоп в государственные берега», победят большевиков, станут героями²⁵.

Все оказалось иначе.

Свое пребывание у генерала Корнилова Роман Гуль описал в книге «Ледяной поход». Она увидела свет в сентябре 1921 года²⁶. В ней героизму русской молодежи, сражавшейся за свободу и демократию, Гуль противопоставил цинизм большинства, темные инстинкты человека. Писатель увидел, что людьми движет в войне не идея (таковых меньшинство), а зависть, месть, жажда обогащения: «К-ой в мирное время был артистом плохого шантана: глядя на него, я часто думал, что привело его в Белую армию? погоны? случайное офицерство? И мне казалось, что ему совершенно все равно, где служить: у «белых» ли, у «красных» ли – грабить и убивать везде было можно»²⁷.

И, конечно, Романа Гуля поразила запредельная жестокость двух сторон.

Жестокость красных: «Молодой человек при виде ее завозился, приподнялся в кровати. Мать заговорила с ним по-черкесски. Он встал, поднял рубаху для перевязки. Тело бледно-желтое. Во многих местах черно-синие запекшиеся раны. Раны загноились. Таня осторожно промывает их, что-то шепча, качает головой и накладывает перевязки. Четырнадцать ран и ни одной нет особенно большой. Кололи, видимо, не убивая, а для удовольствия. «За что же они вас так?» – невольно спрашиваю я. «Буржуй, говорят», – ответил черкес. Его мать быстро, ломано начала рассказывать, как большевики убивали и грабили в ауле»²⁸.

Жестокость белых: «Откуда-то привели в казармы арестованного, плохо одетого человека. Арестовавшие рассказывают, что он кричал им на улице: «Буржуи, пришел вам конец, убегайте, никуда не убежите, стойте!» Они повели его к командующему участку, молодому генералу Б. Генерал – сильно выпивши. Выслушал и приказал:

«Отведите к коменданту города, только так, чтоб никуда не убежал, понимаете?» На лицах приведших легкая улыбка; «точно так, ваше превосходительство». Повели... недалеко в снегу расстреляли. <...> Вдруг в комнату вбежала обтрепанная женщина, с грудным ребенком на руках. Бросилась к нам. Лицо бледное, глаза черные, большие, как безумные... «Голубчики! Родненькие, скажите мне, правда, маво здесь убили?» - «Кого? Что вы?» - «Да нет! Мужа маво два офицера заарестовали на улице, вот мы здесь живем недалечека, сказал он им что-то миленькие, скажите, голубчики, где он?» Она лепетала как помешанная, черные большие глаза умоляли. Грудной ребенок плакал, испуганно-крепко обхватив ее шею ручонками...»²⁹

Суть «Ледяного похода» точно определил высланный большевиками за границу в 1922 году литературовед Юлий Айхенвальд, сказавший лично Гулю: «...она (книга – *Д. М.*) против гражданской войны вообще». Роман Борисович был благодарен за эти слова знаменитому литературоведу, с которым

встречался в Пензе: «он прочел мою книгу так, как я ее писал»³⁰.

Вновь «почувствовав шкурную мерзость» политики, в очередной раз обманувшись в мечте, Роман Гуль воткнул штык в землю. «Я ушел от белых, – писал он, – с ненавистью. Красные были далеки и непонятны. И в России 1918 года – мне не оказывалось места». Двадцатидвухлетний Гуль хотел быть «вне гражданской войны» с одним только желанием «пусть никто не стреляет»³¹.

Больше Роман Борисович никогда не возьмет в руки оружия. Он не станет пацифистом, но предпочтет диалог слов диалогу пушек.

Тем же, кто попытается обвинить Гуля в трусости, он ответит в книге, адресованной потомкам: «Когда 20-летним мальчиком я сел в окопы юго-западного фронта и услышал впервые стук винтовок, пулеметные очереди и разрывы бризантных снарядов – это подействовало великолепно. Хотелось вылезть, на глазах у всех идти поверху, не обращая внимания на пули, весело посвистывая и любясь прекрасными бело-розовыми облачками шрапнелей. <...> Но все

на свете – относительно. И – требует эмпирического изучения. <...> Человек может выстрелами быть «насыщен». И если кто-нибудь захочет в теории «насыщенности выстрелами» убедиться, то предлагаю ему проверить это опытно. Только к теории делаю следующее примечание: выстрелы слышатся не с третьего этажа, не из штаба и не по телефону, а в непосредственной близости, так – чтобы даже пыльцу от пуль вокруг себя видеть. Тогда моя теория оказывается безупречной»³².

Пережив революцию и пройдя гражданскую войну, Роман Борисович Гуль осознал: юношеские надежды на революцию, как эффективный инструмент совершенствования общества, оказались тщетными. Русская революция на поверку оказалась обыкновенным русским бунтом – по Пушкину «бессмысленным и беспощадным». Беспощадным – из-за рек пролитой крови. Бессмысленным – потому, что пользу из нее извлек не народ, а небольшая группа лиц – большевики, что встали, победив в гражданской войне, у руля страны и возродили новое самодержавие. Роман Гуль писал: «Основатель

Чехословацкого государства Томас Масарик в книге «Идеалы гуманизма» так определял свой социализм: «Мой социализм – это просто любовь к ближнему». Масарик любил человека, и его свободу, он хотел служить людям. Поэтому в свое время и был близок к Льву Толстому. Ленина же и его «шайку» - Пелагеи, Марьи, Иваны, Петры – не интересовали ни в какой степени: ни они как люди, ни паче их свобода. Ленинская шайка в октябре бросилась только к властвованию над людьми, к подавлению народа своим ничем не ограниченным самовластьем»³³.

¹ Железнодорожники. Старая власть, создавшая разруху во всех областях государственной жизни, оказалась бессильной... листовка. 1917, 28 февраля. Находится в Национальной электронной библиотеке (НЭБ).

² Соболев А. Н. Первые дни после переворота // Пензенское краеведение. 2017. № 1-2. С. 54-55.

³ Гуль Р. Конь рыжий. Нью-Йорк: издательство имени Чехова, 1952. С. 40.

⁴ Гуль Р. Моя биография // Новый журнал. Нью-Йорк, 1986. Кн. 164. С. 16.

⁵ Хобсбаум Э. Разломанное время. М.: АСТ, 2017. С. 279.

⁶ Фибих Д. Двужильная Россия. М.: Первое сентября, 2010. С. 33.

⁷ Гуль Р. Конь рыжий. С. 41-42.

⁸ Там же. С. 58-59.

-
- ⁹ Гуль Р. Жизнь на фукса // Белое движение: начало и конец. М.: Московский рабочий, 1990. С. 360. В «Жизни на фукса» неверно указано время пребывания Р.Б. Гуля на фронте: 1916 год вместо 1917 года. Возможно, это сделано автором сознательно.
- ¹⁰ Гуль Р. Конь рыжий. С. 51-52.
- ¹¹ Гуль Р. Жизнь на фукса. С. 364.
- ¹² Гуль Р. Ледяной поход // Белое движение: начало и конец. М.: Московский рабочий, 1990. С. 20-21.
- ¹³ Пензенская губерния в годы Первой мировой войны. 1914-март 1918. Прага, 2014. Кн. 2. С. 215-216.
- ¹⁴ Там же. С. 21.
- ¹⁵ Волошин М. Избранное. Минск, 1993. С. 173.
- ¹⁶ Сорокин П. Социология революции. М.: Астрель, 2008. С. 155.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Гуль Р. Жизнь на фукса. С. 365.
- ¹⁹ Замятин Е. Мы. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1988. С. 6.
- ²⁰ Гуль Р.Б. Я унес Россию. М.: Б.С.Г. – ПРЕСС, 2001. Т. I. С. 51.
- ²¹ Хобсбаум Э. Разломанное время. С. 279-280.
- ²² Гуль Р. Ледяной поход. С. 22.
- ²³ Гуль Р. Конь рыжий. С. 109-110.
- ²⁴ Пензенская губерния в годы Первой мировой войны. С. 153.
- ²⁵ Гуль Р. Конь рыжий. С. 114-115.
- ²⁶ Последние новости. Париж, 1921, 11 сентября. С. 431. В газете опубликовано объявление о поступивших в продажу книгах издательства С. Ефрон. Среди изданий – книга Р. Б. Гуля «Ледяной поход».
- ²⁷ Гуль Р. Ледяной поход. С. 30, прим. 1.
- ²⁸ Там же. С. 76-77.
- ²⁹ Там же. С. 44-45.
- ³⁰ Гуль Р.Б. Я унес Россию. М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2001. Т. I. С. 95.
- ³¹ Гуль Р. Жизнь на фукса. С. 359.
- ³² Там же. С. 360.
- ³³ Гуль Р.Б. Я унес Россию. М.: Б.С.Г. – ПРЕСС, 2001. Т. 3. С. 246.

Предтеча Ленина

Революция – это русский бунт, который, как норовистую лошадь, оседлали большевики. Он принес пользу не большинству, а меньшинству народа, ставшего номенклатурой. Большинство – проиграло, стало жить хуже, чем до революции. Так считал Роман Гуль.

Поэтому он с особой тщательностью собирал *предсказания* о такой революции. Лермонтов, Жозеф де Местр, Достоевский – все те, кто предвидел исход семнадцатого года, писателя особенно интересовали. Понятно, что в таком подходе было преувеличение. Искажение реальности. Но это завораживало. Писатель имеет право на художественный вымысел, историк – нет.

«Мысль о неизбежности революции в России основана на предрассудке, на вере в железные законы исторического развития, якобы определяющие жизнь

народов, – полемизировал с этой точкой зрения историк Сергей Пушкарев. – Чтобы доказать неизбежность события, порой ссылаются на то, что оно предсказывалось. Это, говоря словами английского историософа А. Тойнби, «дешевая мудрость в пустой след», поскольку те предсказания, которые сбылись, почитаются пророчествами, а множество тех, что не состоялись, попросту забываются. Историю делают не «законы развития» (как верил Маркс), а совокупность и личная воля и решения живых людей с их чувствами, страстями, верой и предубеждениями, с их групповыми и частными интересами, понимаемыми верно или ошибочно»¹.

Фраза француза де Местра о Пугачеве с дипломом университета во главе бунтующего народа и с реками крови на берегах Невы – особенно волновала Гуля. Ленин являлся ее живым воплощением. Михаила же Бакунина, революционера-анархиста, Роман Борисович считал предтечей вождя большевиков. Он интересовал Гуля как историческая личность только в этом контексте, потому что «все эти дикие

бакунинские бредни воплотились теперь в каждом дне русской жизни» - революции. «Мы в нем, в этом омерзительном бунте – жили. «Грабь награбленное!», и в Пензе бессмысленно грабят все магазины на Московской улице. «Жги помещичьи усадьбы!», «убивай буржуев!». И жгут. И убивают всех, кто «подлежит уничтожению». Ведь нет уже ни судов, ни судей, ни тюрем, ни полиции. «Все поехало с основ», как хотели того Шигалев и Верховенский»².

Роман «Скиф в Европе» – биография Михаила Бакунина, выходил в двух редакциях. Первый вариант был написан Гулем в Берлине, в 1931 году, второй – в 1957 году, в Нью-Йорке. Эпиграфом к роману Роман Гуль взял стихотворение Александра Блока «Скифы». Оно подчеркивало революционный подтекст исторического романа. Перекидывало мост из 1918 года, когда было создано, в XIX век – эпоху начала революционного движения.

Гуль, несомненно, хорошо поработал с историческими источниками. Мрачную эпоху Николаевской России он выписывает без искажений, в точном соответствии с работами историков своего

времени. Но акценты, умело расставленные писателем, вызывают мысли о современности. Издание 1957 года, например, содержит посвящение венграм, погибшим в восстании 1956 года. Венгерское восстание было направлено против СССР и восставшие стремились освободиться от объятий старшего брата по социалистическому лагерю. В романе жандармом Европы показана Российская империя. И царь Николай I стремится не допустить в ней революций. Он делает ставку на вооруженную силу, с помощью которой можно сохранить старый порядок: «Николай не представлял, чтоб события оказывали ему сопротивление; ворочаясь в темноте кабинета, верил во всемогущество войск, слома, силы, оружия; засыпая, думал о походе на Запад»³. История посмеялась над Николаем – он «потерпел тяжкое военное поражение в войне с Европой»⁴ и умер. Гуль намекает, что такая же судьба ждет СССР, противостоящий демократическим переменам.

Внешне Михаил Бакунин завораживал Романа Гуля: «Атлет, с Петра Великого; темная, кудрявая голова; выражение сине-голубых, чуть татарски

разрезанных глаз смеющееся, пылливо-беспокойное; руки белые, неловкие, аристократической формы; что-то львообразное и вместе детское; улыбка большого рта запуталась в вьющихся усах; легкая славянская сутуловатость придала фигуре неловкость, даже увалистость, словно не знает Бакунин, куда ему деть свое раскидистое тело». Внутренне – вызывал отторжение: «В 1848 году в огне европейских революций русский беглец, бунтарь Михаил Бакунин прилагал немалые силы, чтобы зажечь мировой пожар с «богемским началом», Богемию считал бикфордовым шнуром взрыва, после которого по плану Бакунина, должна была organizоваться революционная диктатура, во многом предвосхитившая Советы»⁵.

Суть Бакунина Гуль раскрывает через диалоги. Особенно с Вильгельмом Вейтлингом, философом-утопистом и сторонником уравнительного коммунизма и основоположником русского социализма Александром Герценом.

Бакунин в разговоре с Вейтлингом:

«...вы не понимаете, откуда проистекает природа коммунизма! Она проистекает столько же сверху, сколько и снизу. Внизу в народных массах, она растет и живет как потребность неясная, энергическая, как инстинкт возвышения. В верхних классах – как разврат, эгоизм, как инстинкт угрожающей, заслуженной беды и неопределенный беспомощный страх. Беспредельный крик против коммунизма более способствует распространению его идей, чем ваша собственная пропаганда. Этот неопределенный, невидимый, неосознанный, но везде присутствующий коммунизм, живущий во всех без исключения, в тысячу раз опаснее для современного общества, чем определенный и приведенный в систему, который проповедуете вы в тайных и явных коммунистических обществах. Ваша сила идет с двух сторон, Вейтлинг! Это великая сила! Но вы не правы в конечной цели. Она – коммунизм – просто-напросто логическая натяжка. Прекрасное средство пропаганды среди бедных классов, коммунизм как революционная цель – вредная бессмыслица. Поймите, ну, возьмем, положим, вы осуществили

коммунизм, и вместо Российской империи – коммунистическое государство, вместо германских княжеств, королевств и герцогств – сплошные коммуны! Так что же вы думаете, вы сделали людей, именно бедные-то классы, счастливее, оттого что создали над ними не царскую и не княжескую, а свою собственную опеку? О нет, Вейтлинг, вы правы, только пока вы боретесь, лишь только вы победили, бедным классам надо тут же начинать бороться с вами, за те же лозунги свободы и жизни! Ведь общество, устроенное по вашему плану, представит собой не живое объединение свободных людей, каким общество должно быть, а организованное с помощью принуждения и насилия стадо животных, которыми вы, Вейтлинг, или другие начнут командовать и управлять по своему усмотрению! Ваше коммунистическое общество, преследующее исключительно материальные интересы, неизбежно задавит все то духовное, что растет только на свободе отдельных личностей, вне пространства и времени. Я ненавижу коммунизм, потому что он есть отрицание свободы и потому что для меня непонятна

человечность без свободы. Ваше насилие, если оно когда-нибудь осуществилось бы, было бы чудовищным! Поэтому-то в устроенном по вашему плану государстве у меня нет охоты жить, так же как в государстве царя Николая. Но, к счастью людей, ваша цель и ваша идея всего-навсего есть логическая нелепость!»⁶.

В споре с Герценом выясняется, что у Бакунина нет представления о строе, что сменит существующий порядок. Александр Герцен: «Я вижу гибель Европы, но не знаю еще, что придет ей на смену?». Бакунин: «Ты похож, Герцен, на монаха, который при встрече не находит ничего лучшего как сказать: помни о смерти. Смотреть на конец – это вообще величайшая ошибка. Что такое будущее? Будущего нет! История импровизируется и редко когда повторяется, она стучится, брат, разом в тысячу ворот, а которые отпрутятся, никто не знает». «Пусть эта, замышляемая мной, революция будет ужасна, беспримерна, хоть и обращена больше против вещей, чем против людей. Но только тогда я буду действительно счастлив, Герцен, когда весь мир

будет стоять в пламени разрушения! И это будет настоящая революция, которой еще не было у народов! Но в белых перчатках, как хотел бы ты, восстаний не делают, напротив, надо развязать во всех этих «орангутангах» самые низкие, самые дурные страсти, чтоб ничто не стало им на пути, чтоб ничто не сдерживало этих обиженных судьбой в их ненависти и жажде истребления и разрушения. И вот тогда, о, только тогда прозвучит на земле гимн настоящей свободы и настоящего счастья». Пораженный Герцен называет Бакунина «Колумбом без Америки»⁷.

Таким же «Колумбом без Америки» был и Ленин. Как и Бакунин, он направил всего себя на разрушение, «похороны»⁸ старого мира. Революционная диктатура Ленина, как и Бакунина, работала, по Гулю, на уничтожение, а не на созидание. Импровизация, действия вне теории, канона и догмы, были присущи каждому из революционеров. Ленин в статье «О нашей революции», резко критикуя меньшевиков, писал: «Они все называют себя марксистами, но понимают

марксизм до невозможности педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики.

Помнится, Наполеон писал: «On s'engage et puis...on voit». В вольном русском переводе это значит: «Сначала надо ввязаться в бой, а там уже видно будет». Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там увидели такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или нэп и т. п. И в настоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу»⁹.

Поэтому коммунизм Ленина и антикоммунизм Бакунина имеют один общий исток: авантюризм, присущий каждому из них как личности. Только вот бакунинская авантюра не удалась, а ленинская – получилась.

Еще одна черта, объединяющая Бакунина и Ленина – полное пренебрежение к личной жизни. Ради революции они жертвуют любовью к женщине, семье. У Гуля Бакунин отвергает любовь Марьи Полудинской, говоря: «У меня есть интересы важнее

всех частных интересов, и раньше удовлетворение главной моей потребности для меня невозможно удовлетворение потребностей второстепенных. Я считаю, Марья Ивановна, что высшее счастье человека – деятельность, а не любовь. Человек вправду счастлив, лишь когда он творит. Впрочем, я ведь не прочь и от любви, только чтоб она не мешала главному, а заняла бы, так сказать, свое законное место. А если вот она захочет овладеть всем моим существом, тогда, pardon, тогда ее в сторону!»¹⁰.

Характеристика Гулем Ленина: «В Ленине было мало человеческих чувств. По своей природе Ленин был насильник, маньяк самовластья, маньяк именно – его – неограниченной власти. До революции в большевистской партии он был мало того что диктатор, он был «непогрешим». И когда пришла революция, Ленин в октябре полез напролом к власти своей партии, то есть к его власти уже во всей стране»¹¹.

Михаил Бакунин, как подчеркивает Роман Гуль, тоже имел властный характер. И он в мае 1849 года «полез» на баррикады Дрездена, войдя в число

руководителей восстания. Гуль описывает участие Бакунина в мятеже, его арест, пребывание в тюрьме, ожидание смертного приговора, последующую выдачу России, заключение в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. Он показывает, как меняется человек под напором бед и страданий, сохраняя при этом свой внутренний стержень, свои убеждения.

В тюрьме: «Две тысячи дней, солнечных, туманных, морозных, ветреных, дождливых, две тысячи ночей проходили под землей. Цвела земля веснами, облетала осенью, засыпалась снегами, сугробами. Любили, рожали, умирали люди. Бакунин сидел в беззвучной тишине. Одну милость разрешил царь: у решетчатого окна повесить клетку с канарейкой. Прыгала желтенькая птица у Бакунина, но не пела. Прежнего Бакунина уже не было на пятом году заключения. Николай знал, что узники его вечного заключения кончают помешательством. Обрюзглый, толстый, облысевший, беззубый от цинги, Бакунин лежал на тюремной койке. Непрестанные боли в голове и заднем проходе

довели до отчаяния, мучили припадками удушья, а страх помешательства поднимал ночью с нар. Чувствовал, что мозг немеет, что становится глупее день ото дня. Мысль об идиотизме не уходила об беззубого, шепелявого человека, лежавшего в покое номер 5»¹².

После побега из ссылки: «Тридцать тысяч верст бежал Михаил Бакунин из России назад в Европу. Сошел на английский берег, приплыл из Америки, увидел вновь любимый и ненавистный ему запад. Оба за 11 лет изменились. Опухшего, безобразного, похожего на лавину, на налившегося кровью быка Бакунина друзья узнали лишь по юношескому звуку пришептывавшего, беззубого голоса да по энергии. Бакунин встретил врага – уже всемирно известного революционера Карла Маркса. Встретил друга – всемирно известного публициста Герцена. Обнял любимого, никому не известного музыканта Адольфа Рейхеля. И встал за прежнюю работу – за страсть революционного разрушения Европы»¹³.

В отличие от своего героя, Роман Гуль изжил страсть к революции к двадцати пяти годам. Михаил

Бакунин испытывал ее до конца дней. После гражданской войны, работая над романом, Гуль видел пожарище революционного костра. Бакунин такой возможности не имел, хотя, если бы она появилась, он все равно бы не передумал. Они были разными людьми – автор и его герой. Первый писал без симпатии ко второму, второй не испытал бы симпатий к первому.

¹ Пушкирев С.Г. Россия 1801–1917: власть и общество. М.: Посев, 2001. С. 614–615.

² Гуль Р. Я унес Россию. М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2001. Т. I. С. 42.

³ Гуль Р. Скиф в Европе // Романовы. Династия в лицах. Николай I. М.: АРМАДА, 1994. С. 459.

⁴ Там же. С. 642.

⁵ Гуль Р. Красные маршалы. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 56.

⁶ Гуль Р. Скиф в Европе. С. 466–467.

⁷ Там же. С. 504–505.

⁸ Там же. С. 502.

⁹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1978. Т. 45. С. 381.

¹⁰ Гуль Р. Скиф в Европе. С. 482–483.

¹¹ Гуль Р. Я унес Россию. М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2001. Т. III С. 245–246, 248.

¹² Гуль Р. Скиф в Европе. С. 642.

¹³ Там же. С. 646.

Гениальная горилла

Роман Гуль испытывал к Ленину ненависть. «Я аккуратен, как Ленин (ненавижу эту собаку, но знаю, что он был очень аккуратен, даже педантичен)», - писал Роман Борисович в частном письме писателю Георгию Иванову¹. Как и Марк Алданов, писатель и друг Гуля, он считал Ленина главным виновником гибели страны. Свой роман «Самоубийство» Алданов завершает фразой, оценивающей смерть Ленина: «Верно, половина человечества «оплакала» его смерть. Надо было оплакивать рождение»². Здесь Марк Алданов и Роман Гуль не были оригинальными. Ненависть к Ленину испытывали и такие классики русской литературы, как Иван Бунин и Александр Куприн. В этой ненависти к вождю большевиков было все: разрушенные судьбы, миллионы замученных в годы гражданской войны и уход в небытие страны – родины детства и юности. В «Распаде атома» (Гуль считал эту «поэму в прозе»

великолепной)³ Иванов так передал эти ощущения: «Я хотел бы выйти на берег моря, лечь на песок, закрыть глаза, ощутить дыхание Бога на своем лице. Я хотел бы начать издалека – с синего платья, с размолвки, с зимнего туманного дня. «На холмы Грузии легла ночная мгла» - такими приблизительно словами я хотел бы говорить с жизнью. Жизнь больше не понимает этого языка. Душа еще не научилась другому. Так болезненно отмирает в душе гармония. Может быть, когда она совсем отомрет, отвалится, как присохшая болячка, душе станет снова первобытно-легко. Но переход медленен и мучителен. Душе страшно. Ей кажется, что одно за другим отсыхает все, что ее животворило»⁴.

В переписке с дочерью Сталина Светланой Аллилуевой Роман Гуль, повторяя слова Василия Шувльгина, назвал Ленина «гениальной гориллой»⁵. На публике Роман Борисович таких резких оценок не делал, но и за словом в карман не лез. Самые жесткие слова о Ленине Гуль написал в статье про «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына. «Ленин как человек и политик – это воистину апокалиптическое

чудовище, своей революцией убившее шестьдесят миллионов людей в России и покушающееся руками своих последователей, отечественных и всесветных тупамарос, «угробить» еще больше миллионов людей во всем мире»⁶.

Сведения о Ленине Роман Гуль собирал всю жизнь. В эмиграции он общался с людьми, лично знавшими вождя партии большевиков, читал воспоминания участников революции, исследования историков. Подход Гуля к революции и лично Ленину полностью укладывается в русло западной историографии 50-60 годов XX века.

«Большинство западных исследователей сходились на том, – пишет историк Шейла Фицпатрик, – что большевистская революция представляла собой переворот, организованный малочисленной партией, у которой отсутствовала какая-либо массовая поддержка или легитимность. Революция – так же как, собственно говоря, и дореволюционная история большевистской партии, – изучалась главным образом с целью выявить истоки советского тоталитаризма»⁷.

Популярным было сравнение нацистской Германии и сталинской России. Оно в избытке присутствует и у Гуля.

Проживая в Германии и будучи свидетелем прихода к власти Гитлера, оказавшись в немецком концлагере, Роман Борисович писал: «Где-то я читал, что лица, остро воспринимающие общественные потрясения, называются диспластиками. Так вот, думаю, я несомненный диспластик. Ленинский Октябрь я подсознательно ощущал как некое светопреставление и конец России. Теперь в Германии я ощутил опять «перевернутую страницу истории». В эти гитлеровские дни (как и тогда, в ленинские!) мне стало как бы физически не хватать воздуха». «В амбулатории шумно толкутся сменившиеся с караула гитлеровцы, и меня не покидает чувство, что всех их будто я давно где-то видел: эти брутальные лица, грубо-бранную речь, резкие жесты и животный хохот. Господи! да ведь это же наше октябрьское отребье, та же чернь всяческих революций. Это несомненные октябрьские «ленинцы». Да, да! Причем и тем и этим «вождь и

вождишки» внушили, что они-то и есть (это отребье!) «передовой отряд борцов» за «великую идею». Там – построение «бесклассового коммунистического общества», над которым никогда не заходит солнце. Здесь – построение «тысячелетнего рейха», который даст немцам первенство в мире и всевозможные блага, заслуженные ими как «подлинными арийцами». Известная Шекспира фраза, что «история – страшная сказка, рассказанная дураком», особенно точно применима к ленинизму и гитлеризму. Тут даже слишком много и «страшности» и «дурости». Обе «идеи», перевернувшие мир, исключительно лживы-нелепы, что и доказала история. Первая – убив десятки миллионов ни в чем не повинных людей, превратила богатейшую, великую Россию – в необозримый, нищий, голодный концлагерь, ведущий ее народы к духовному и, культурному и биологическому вырождению. А «тысячелетний рейх», тоже убив миллионы ни в чем не повинных людей, развалился на глазах всех, превратив часть великой Германии в небольшое слабое государство, а другую – в рабского сателлита СССР. Но для

«отребья» эти «великие идеи» нужны как зарядка в их насильничестве над людьми»⁸.

Гуль не был предвзятым писателем. Он мог отделить свою личную оценку исторического деятеля от оценки, данной ему современниками и исследователями. Но когда они совпадали, как с Лениным, четкость его характеристик возрастала. Роман Борисович особенно ценил живые наблюдения современников. В случае с Лениным – это воспоминания Николая Валентинова и Александра Нагловского. Последние существуют только в записи самого Гуля. Он встречался с Нагловским в Париже, когда тот, уже старый большевик, бежал в 1929 году из СССР. По словам Романа Борисовича, Александр Нагловский был «в годах, очень худой, щуплый, слабого здоровья. При первом же знакомстве он показался мне человеком – в смысле жизненной энергии – конченным. Думаю, полная разочарованность в «деле жизни» (революция), риск побега из Рима в Париж, объявление его большевиками «вне закона», все вместе как-то надломило энергию»⁹. Рассказы Нагловского,

знавшего Ленина еще с дореволюционных времен, показывали лидера коммунистов в развитии: от подпольщика до руководителя государства.

Нагловский отмечал, что до прихода к власти Ленин был авторитарным, но демократичным руководителем. У него не было «чванства», «это был старший товарищ». «С первых же слов в нем чувствовался сразу большой ум, тонко схватывающий каждую мелочь, хитрая практическая сметка и, конечно, абсолютная преданность делу партии. К тому же, в противоположность другим вождям, в Ленине тогда было что-то еще очень живое, молодое. Ему тогда минуло тридцать пять лет»¹⁰. В 1917 году Александр Нагловский встречал Ленина на вокзале после его возвращения из эмиграции. «Приняв поздравления, – вспоминал Нагловский, – Ленин ответил на них известной демагогической речью. Для всех стало ясно, что Ленин совершенно готов к продолжению заговорщицкой борьбы. И он повел ее из дворца Кшесинской.

Впечатление о сильной «постарелости» Ленина подтвердилось и в последующие дни, когда я часто встречал его в этом дворце. Весь вид Ленина был резко отличен от прежнего. И не только вид. В обращении исчезли всякое добродушие, приветливость, товарищеская легкость. Ленин этого времени по всей своей цинической, замкнутой, грубоватой повадке казался заговорщиком «всех против вся», не доверявший никому, подозревавший каждого и в то же время решивший всеми силами, не считаясь ни с чем, идти в атаку на захват власти»¹¹.

Александр Нагловский отмечал, что в 1917 году большинство в партии большевиков было против насильственного захвата власти в стране и установления однопартийной диктатуры. Только воля Ленина подвигла ее на вооруженное восстание: «Ленин подмял под себя всю партию, чувствовавшую, что сил сопротивляться ему – нет, а без этого заговорщицкого кормчего она – ничто»¹².

Данные наблюдения А. Д. Нагловского были очень важны для Романа Борисовича Гуля, потому что возлагали на Ленина персональную

ответственность за сговор с немцами. Писатель нисколько не сомневался, что вождь коммунистов взял больше 50 миллионов золотых марок от немецкого Генерального штаба на развал восточного фронта. Как писал Гуль, Ленин шел здесь по стопам эсеров, профинансированных японским правительством в годы русско-японской войны. Без денежной помощи Германии партия большевиков никогда бы не взяла власть – был убежден Гуль. «Ленин, конечно, прекрасно понимал, почему ему давали эти деньги, но, как известно, Ленин же сказал: «А на Россию, господа хорошие, нам наплевать...». Ленину нужна была не Россия, а «мировая революция», – писал Роман Борисович, – и он брал миллионы от императора Вильгельма II. Ленин брал деньги и тогда, когда государственная власть была уже в его руках, брал, чтобы удержать ее. И немецкие деньги, без которых он не захватил бы власти, не волновали Ленина так же как, Азефа – японские. И что же? Он был прав: все сложилось чудесно! Ленин вышел почти сухим из воды. Если попытки разоблачений Ленина начались в 1917 году

(Алексинский, Бурцев, Временное правительство), то ведь только почти через полвека, когда Ленин давно сладко почивал в своем роскошном мавзолее на Красной площади, на Западе опубликовали документы немецкого министерства иностранных дел, наконец-то документально уличавшие Ленина в получении миллионов от ...кайзера. Но кто теперь об этом «неприличии» вспоминает? Даже Объединенные Нации не вспомнили, пытаясь объявить Ленина светочем гуманизма»¹³.

Поступок Ленина был для Романа Гуля аморальным и не патриотичным, а «неприличие» Ленина стоило России гибели миллионов людей, погубленных коммунистами, по словам писателя, для удержания собственной власти. Гуль не считал Ленина руководителем государства. Для него вождь большевиков был только главой шайки разбойников, уголовным преступником. Понимая резкость таких характеристик, Роман Борисович приводил слова современников Ленина, так его характеризующих. *Юлий Мартов – в письме к Павлу Аксельроду, социал-демократ – социал-демократу (1908):*

«Признаюсь, я все больше считаю ошибкой самое номинальное участие в этой разбойничьей шайке...»¹⁴.

Михаил Ольминский, большевик с 1898 года:
«Можно быть разного мнения о красном терроре, но то, что сейчас творится, это вовсе не красный террор, а сплошная уголовщина»¹⁵.

Для Гуля важны были и слова Нагловского о Владимире Ленине как партийном, а не государственном деятеле. «Обычно Ленин «все же» признается «государственным человеком». Встречаясь с Лениным на государственной работе, – указывал он, – делая ему доклады, получая от него распоряжения, этого впечатления у меня никогда не создавалось. Напротив, все говорило о противоположном. Среди большевиков были люди государственного размаха, могущие быть «министрами» в любой стране. Это – Л. Б. Красин, человек большого ума, расчета, инициативы, трезвого глаза. Это – Л. Д. Троцкий, несмотря на то, что ни на кого эта фигура никакого «обаяния» не производила. Но только, разумеется, не Ленина

зачислять в государственные люди. Прежде всего Ленин был типичным человеком подполья. Ленин не знал ни жизни, ни России, ни русского крестьянства, не знал фактов. Ленин был существом исключительно партийным. Ни в одной стране он не мог бы быть «министром», зато в любой стране мог бы быть главой заговорщицкой партии. Ленин был узкопартийным конспиратором до мозга костей. Дара подбора людей, более-менее обязательного для «государственного человека», у Ленина не было. Партиец у Ленина мог получить любое назначение»¹⁶.

Для Романа Гуля Владимир Ленин, как и Михаил Бакунин, был тараном, разрушителем. Вся его «созидательная» деятельность сводилась к удержанию власти любой ценой. Гуль возлагал прямую ответственность на Ленина в учреждении террора в стране, в убийствах миллионов ничем не повинных граждан, только на основании их классового происхождения. Здесь показательны страницы из повести Гуля «Дзержинский», где идет речь о создании ЧК, о роли Ленина в этом¹⁷.

Глава «Ленин ищет Фукье-Тенвиля»: «19 декабря 1917 года в Смольном в комнате № 75 короткими шажками бегал лысый человечек в потрепанном пиджаке. Это вождь октября, Ленин, волновался, слушая доклад управляющего делами совнаркома, прожженного циника Владимира Бонч-Бруевича. Управляющий докладывал о царящей панике среди головки партии, о поднимающемся недовольстве народа против большевиков, о возможности заговоров и покушений».

Ленин перебил Бонча вспыхнувшим недовольством.

«– Неужели ж у нас не найдется своего Фукье-Тенвиля, который привел бы в порядок контрреволюцию?»

И на другой день образ Фукье-Тенвиля октябрьской революции не заставил себя ждать. Этот человек жил тут же, в снежном городе Петра, захваченном большевиками».

Справка: Антуан Фукье-Тенвиль – деятель Французской революции XVIII века, общественный обвинитель революционного трибунала,

отправивший на казнь тысячи граждан, в том числе ни в чем не повинных, обвиняя их в покушениях на революцию.

«Высокий, похожий на скелет, одетый в солдатское платье, висевшее на нем как на вешалке, 20 декабря в Смольном на расширенном заседании совнаркома появился Феликс Дзержинский. Под охраной матросских маузеров, в куреве, в плевках, в шуме, в неразберихе событий, среди «страшных» и «веселых чудовищ» большевизма, кого в минуту откровенности сам Ленин определял «у нас на 100 порядочных 90 мерзавцев», – после многих речей, «пламенея гневом», выступил и октябрьский Фукье-Тенвиль.

Феликс Дзержинский говорил о терроре, о путях спасения заговорщицкой революции. В его изможденном лице, лихорадочно-блестящих глазах, заостренных чертах чувствовался фанатик. Он говорил трудно, неправильным русским языком с сильным польским акцентом и неверными удареньями. Говорил волнуясь, торопясь, словно не сумеет, не успеет сказать всего, что надо.

– Революции всегда сопровождаются смертями, это дело самое обыкновенное! И мы должны применить сейчас все меры террора, отдать ему все силы! Не думайте, что я ищу форм революционной юстиции, юстиция нам не к лицу. У нас не должно быть долгих разговоров! Сейчас борьба грудь с грудью, не на жизнь, а на смерть, – чья возьмет?! И я требую одного – организации революционной расправы!» – криком заканчивал свою речь изможденный, насквозь больной человек, похожий на переодетого в солдатское платье монаха.

Фукье-Тенвиль найден.

О произведенном октябрьском перевороте в припадке цинического юмора, в кругу друзей Ленин любил говаривать с усмешкой: «Ну-да, если это и авантюра, то в масштабе – всемирно-историческом». И 20 декабря 1917 года Ленин, остановившись на Дзержинском, заложил краеугольный камень террора для защиты «авантюры во всемирно-историческом масштабе».

Протокол этого заседания хранится в Кремле, как реликвия, ибо «наспех записан самим товарищем

Лениным): «Назвать комиссию по борьбе с контрреволюцией – Всероссийской Чрезвычайной Комиссией при Совете Народных Комиссаров и утвердить ее в составе: председатель т. Дзержинский...»

С этого дня Дзержинский занес над Россией «революционный меч». По невероятности числа погибших от коммунистического террора «октябрьский Фукие-Тенвиль» превзошел и якобинцев, и испанскую инквизицию, и терроры всех реакций. Связав с именем Феликса Дзержинского страшное лихолетие своей истории, Россия надолго облилась кровью».

Роман Гуль был убежден, что без Ленина Россия дотянула бы до Учредительного собрания и избежала бы кровавой гражданской войны.

Здесь были не только наблюдения молодости, но и общение с непосредственными участниками революции в эмиграции, ее осмысление в процессе чтения книг, воспоминаний. Гуль уверен: большевики, словно по советам Бакунина, возбуждали охлос – толпу, низменные страсти

людей, на волне которых и шли к власти. И никто из политиков семнадцатого года не смог их тогда удержать. Все они оказались сильны задним умом.

В своих воспоминаниях Роман Борисович приводит слова Екатерины Брешко-Брешковской, видной деятельницы партии социалистов-революционеров, обращенные к Керенскому, председателю Временного правительства: «Она говорила Саше, что он должен арестовать головку большевиков как предателей, посадить их на барке и потопить. «Я говорила ему: «возьми Ленина!» - а он не хотел, все хотел по закону. Разве это было возможно тогда? И разве можно так управлять людьми? Посадить бы их на баржи с пробками, вывести в море – и пробки открыть. Иначе ничего не сделаешь. Это как звери дикие, как змеи – их можно и должно уничтожать. Страшное это дело, но необходимое и неизбежное»¹⁸.

В своей ненависти к большевикам «бабушка русской революции», как называли Брешко-Брешковскую, предлагала Керенскому то, чем занимались сами большевики, уничтожая своих

врагов (чуть позже). Александр Керенский, не приняв предложение, был морально выше, хотя и проиграл. Этот парадокс революции всю жизнь мучил Гуля, но решить его раз и навсегда писатель так и не смог. Разгон же Учредительного собрания большевиками, когда политический расчет оказался выше морали, навсегда остался для писателя разгоном надежд всех предшествующих поколений. «Граждански верно» писала Зинаида Гиппиус, указывал Роман Гуль, цитируя ее стихи: «Наших дедов мечта невозможная, // Наших героев жертва острожная, // Наша молитва устами несмелыми, // Наша надежда и воздыхание, – Учредительное собрание, – // Что мы с ним сделали?..»¹⁹.

Современные историки считают, если бы в октябре 1917 года большевики не взяли власть, исключительно из-за упорства Ленина, то 25 октября на съезде Советов в Петрограде было бы сформировано правительство из социалистических партий, полномочия которого подтвердило бы Учредительное собрание, где большевики были в меньшинстве. И был бы «невозможен военный

конфликт масштаба гражданской войны, которая охватила страну и продлилась четыре года после 1917-го, а ведь именно эта война сформировала пронизанную насилием культуру большевистского режима Ленина и Сталина»²⁰.

Большое влияние на понимание Гулем политической роли Ленина и большевиков в судьбе России оказали книги его друга, историка и публициста Давида Шуба. В личности Шуба Романа Борисовича привлекал не только высокий ум, но и нравственная позиция. «Примат свободы и человечности в общем мировоззрении Давида Натановича делал его политическим другом не только правых социалистов, таких, как Бурцев, Кускова, Керенский, но и русских либералов, как Милюков, Карпович и другие, – писал Гуль. – Будучи непримиримым ко всякому насилию, ко всякой диктатуре над человеком, Д. Н. определял себя как демократического социалиста западно европейского типа»²¹.

Роман Борисович многое почерпнул в общении с Шубом. И его идея, что предтечей Ленина был

Бакунин, несомненно (помимо собственных размышлений) перекликается с мыслями Давида Натановича, выраженными в книге «Политические деятели России» (1969). Предисловие к ней написано Гулем. В этой книге предтечами Ленина названы революционеры-народники Петр Заичневский, Петр Ткачев, Михаил Бакунин и Сергей Нечаев. Давид Шуб, как исследователь, убедил Гуля и в том, что действительно (не только на уровне слухов) существовал сговор между немцами и большевиками и что первые финансово поддерживали вторых. В книге Д.Н. Шуба перипетиям этих отношений посвящена глава «Германо-большевистский заговор 1917 года». Нравилась Гулю и книга Шуба о Ленине, изданная на английском языке (1948).

В воспоминаниях Роман Борисович воспроизводит восторженную рецензию историка Михаила Карповича, в которой говорится: «Главное достоинство книги Д. Н. Шуба заключается в том, что она с непререкаемой убедительностью показывает роковую необходимость развития ленинской политической стратегии и тактики, всего

его революционного замысла – в ту систему тоталитарной диктатуры, которая получила такое законченное выражение в руках его ученика и преемника – Сталина»²². Роман Гуль с этим выводом был согласен.

В переписке с дочерью Сталина Светланой Аллилуевой Роман Гуль назвал Владимира Ленина «гениальной гориллой». Полная цитата из книги Василия Шульгина звучит так: «Представим себе, что в силу каких-то бедствий человечество стало бы дичать до такой степени, что люди опять стали бы гориллами. Это состояние дикости сопровождалось бы многими ужасными явлениями. В частности, забвением самых необходимых знаний. Например, гориллы забыли бы, как добывать огонь. Они жалко мерзли бы в своих лесах, чувствуя, что им чего-то не достает, что им ужасно плохо. Но чего им не достает, они вспомнить бы не могли. Пережевывая сырое мясо, они смутно чувствовали бы, что это гадко, что может быть как-то иначе, но как - забыли... И вот среди этой ужасной, беспросветной жизни, где неясные воспоминания о чем-то лучшем отравляли

бы даже скромные радости горилловского бытия, вдруг появляется некая гениальная горилла. Она вспомнила огонь! Вспомнила, что есть такой «красный цветок», который согревает в ужасные морозные ночи, который делает пищу мягкой и вкусной, который светит в темноте и всю жизнь делает прекрасной, как сказку. Вспомнив, горилла добыла бы и самый огонь. Разве в глазах остальных горилл непомнящих, горилл, воспользовавшихся великим просветлением гориллы вспомнившей, эта последняя не казалась бы полубогом? Прометей, укравший огонь с неба, навеки запечатлелся в глазах человечества.

Но чем был бы меньше подвиг этой гориллы? Ведь она вторично родила огонь!

Вот именно так, как некую гениальную гориллу, можно рассматривать Ленина. Ибо на наших глазах совершился процесс совершенно невероятного одичания.

Под влиянием коммунистического учения рядовые коммунисты, в течение нескольких лет, превратились в совершенно дикие существа, которые

физически ощущали голод, холод и всякие страдания, но, благодаря своей одичалости, совершенно забыли о том, как с этими бедами бороться. Казалось бы, ведь это было так недавно: старый мир не голодал и не мерз. Казалось, так просто вспомнить, что было раньше, вернуться к этому прежнему и перестать страдать. Но нет, они не могли вспомнить. Забравшись в дебри коммунистического леса, они забыли дорогу назад. И нашелся только один, только одна гениальная обезьяна, которая в этом ужасе одичания и мрака сохранила воспоминания. И вот это воспоминание, эта искорка спасла всех. Ленин вспомнил, Ленин вновь открыл огонь, открыл, как согреть замерзающих горилл, как дать им возможность опять выйти на уровень, если не людей, то человекообразных...

И тогда он декретировал нэп»²³.

Василий Шульгин назвал Ленина «гениальной гориллой», вкладывая в это яркое определение положительный смысл, надежду на исправление, возвращение от военного коммунизма в мир людей

путем нэпа. Гуль таких иллюзий не испытывает. Он знает, что за нэпом последовало второе издание военного коммунизма в сталинской версии. И поэтому определение «гениальная горилла» звучит у писателя с сарказмом. Ленин – это «партийное животное с уголовными манерами»²⁴ и вся его «гениальность» – в масштабе проведенных им убийств. Вспоминая слова якобинца Демулена, что великие люди кажутся многим великими, так как их оценивают стоя на коленях перед ними, Роман Гуль призывал своих читателей оценить личность Ленина, встав с колен²⁵. Свою оценку вождю большевиков Гуль вынес. Он был для него зверем из бездны. Инфернальной – адской – сутью мирового зла²⁶.

¹ Гуль Р. Б. Я унес Россию. М.: Б.С.Г. – ПРЕСС, 2001. Т. III. С. 241.

² Алданов М. Собр. соч. в 6-ти тт. М.: Правда, 1991. Т. 6. С. 446.

³ См.: Гуль Р. Георгий Иванов // Русский Нью-Йорк. Антология «Нового журнала». М.: Русский путь, 2002.

⁴ Иванов Г. Распад атома // Иванов Г.В. Собр. соч. в 3-х тт. М.: Согласие, 1994. Т. 2. С. 18.

⁵ Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. III. С. 373.

⁶ Там же. С. 243.

⁷ Фицпатрик Ш. Русская революция. М., 2018. С. 23.

⁸ Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. I. С. 373. С. 377, 384–385.

-
- ⁹ Гуль Р. Б. Я унес Россию. М.: Б.С.Г.- ПРЕСС, 2001. Т. II. С. 280–281.
- ¹⁰ Там же. С. 283.
- ¹¹ Там же. С. 290.
- ¹² Там же. С. 290–291.
- ¹³ Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. III. С. 249–250.
- ¹⁴ Там же. С. 247.
- ¹⁵ Там же. С. 246.
- ¹⁶ Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. II. С. 292.
- ¹⁷ Гуль Р. Дзержинский. М.: Молодая гвардия, 1992. С. 6–7.
- ¹⁸ Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. II. С. 66.
- ¹⁹ Там же. С. 79.
- ²⁰ Историческая неизбежность? Ключевые события русской революции. М.: АНФ, 2017. С. 157.
- ²¹ Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. III. С. 277.
- ²² Там же. С. 276–277.
- ²³ Шульгин В. Три столицы. М.: Современник, 1991. С. 280–281.
- ²⁴ Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. III. С. 248.
- ²⁵ Там же. С. 244.
- ²⁶ Там же. С. 242.

Генерал БО

Роман «Генерал БО» (второе название «Азеф») был самым любимым сочинением Гуля. Самолюбие автора льстило, что роман был переведен на несколько языков, получил хорошие отзывы писателей, критиков, читателей и главное – действующих лиц самого романа. Например, Владимира Бурцева, разоблачителя Азефа.

«Мы уселись за столиком в углу кафе, – вспоминал Роман Борисович. – И так как я был приглашен не знаю зачем, я предоставил инициативу разговора Владимиру Львовичу. Сам же разглядывал его, находя, что в романе я описал его наружность вполне точно (по портретам). «Ну, вот, – заговорил Бурцев, – рад с Вами познакомиться. Конечно, читал Ваш роман и могу сказать Вам комплимент: никаких неточностей в фактах, в его теме у Вас нет. Я-то уж знаю все это дело и иногда даже удивлялся, как

хорошо все документировано». Я сказал, что в документации меня поддерживал такой «дока» в истории революционного движения, как Борис Иванович (Никольский – Д. М.), да еще Сергей Григорьевич Сватиков из Парижа, в распоряжении которого, как комиссара временного правительства при посольстве, был весь архив царского парижского посольства»¹.

Толчком к созданию романа стало знакомство Романа Гуля с воспоминаниями Бориса Савинкова, видного социалиста-революционера, руководителя боевой организации эсеров (отсюда аббревиатура БО – боевая организация). Романа Борисовича мемуары Савинкова захватили, и после прочтения он решил «написать роман с центральной фигурой Азефа»².

Материал к книге помог собрать историк Борис Никольский. В 1929 году роман «Генерал БО» вышел в Берлине. Тираж разошелся в шесть месяцев. На следующий год роман был переведен на немецкий, французский, английский языки³.

Тема русской революции была очень модной, а сюжет знаменитой истории предательства, как

магнит, привлекал читателей. Дивиденды получили и автор и издатели. Роман Борисович не скрывал, что вырученные за книгу деньги, позволили его семье относительно безбедно жить⁴.

В 1958 году, живя в Нью-Йорке, Гуль выпустил «Генерала БО» во второй редакции. О причинах этого он писал: «В молодости, когда я его писал, я писал его со свойственными именно молодости (и, вероятно, даже обязательными для молодости) языковыми и стилистическими вычурностями, с какой-то внутренней потребностью «посягнуть на классическую фразу». С этим, естественно, связывалось многое ненужное (на мой теперешний взгляд) в общей композиции романа и в его структуре. Прошли годы. Все эти «посягательства» теперь не вызывают во мне ничего, кроме чувства неловкости и досады. И вот мне захотелось привести книгу в порядок и прежде всего дать ей простоту и ясность в стиле и композиции»⁵.

Самым ценным отзывом о романе Гуль считал статью писателя, лауреата французской литературной премии «Фемина» Кристиана Мегре (1955). Он

включил ее в издание книги 1958 года. Чуть раньше, в 1952 году, Гуль поместил в книгу «Конь рыжий» восхищенный отзыв об этом романе Ивана Бунина. Мнение крупных писателей всегда были интересны Роман Борисовичу. Они показывали масштаб и ценность его труда.

Так что зацепило Гуля в словах Мегре? Писатель на этот вопрос ответил так: «Мегрэ поставил «тему Азефа», проведя ее в современность»⁶. Кристиан Мегре писал: «Роман «Азеф» ценен потому, что эта книга пророческая: русский терроризм 1900-х годов – это начало пути к тем «Десяти дням, которые потрясли мир» и после которых мир никогда уже не пришел в себя». Иными словами, в русском терроризме Мегре увидел исток власти большевиков. И мир, ставший явью, после Первой мировой войны.

Вероятно, это наблюдение и было ценным для Романа Гуля. Он тоже вел цепь событий от предателя Азефа к предателю Ленину. Как и Максимилиан Волошин: «Мы углубили рознь противоречий // За двести лет, что прожили с Петра: // При добродушьи русского народа, // При сказочном

терпеньи мужика – // Никто не делал более кровавой – // И страшной революции, чем мы. // При всем упорстве Сергиевой веры // И Серафимовых молитв – никто // С такой хулой не потрошил святыни, // Так страшно не кощунствовал, как мы. // При русских грамотах на благородство, // Как Пушкин, Тютчев, Герцен, Соловьев, – // Мы шли путем не их, а Смердякова – // Через Азефа, через Брестский мир»⁷.

В словах Мегре был еще один важный вопрос: возможно ли построить справедливое общество, используя насилие? Сложат ли оружие те, кто использует его здесь и сейчас для свержения плохого политического строя или обратят оружие против граждан, придя к власти? Этот вопрос тоже занимал Гуля. И он знал на него ответ: нет, не сложат, как не сделали это большевики, также как и эсеры, занимавшиеся до революции «эксами», но без резонансных убийств подобных убийствам Плеве, великого князя Сергея Александровича (о них речь в романе).

Роман Борисович не верил во внутреннее перерождение боевиков. И тут он опередил

Александра Солженицына, говорившего в Нобелевской лекции о культуре насилия среди политизированной молодежи, использующей оружие для создания справедливого мира: «Верхоглядное недопонимание извечной человеческой сути, наивная уверенность непоживших сердец: вот этих лютых, жадных притеснителей, правителей прогоним, а следующие (мы!), отложив гранаты и автоматы, будут справедливые и сочувственные. Как бы не так!.. А кто пожил и понимает, кто мог бы этой молодежи возразить, – многие не смеют возражать, даже заискивают, только бы не показаться, «консерваторами», – снова явление русское, XIX века, Достоевский называл его «рабством у передовых идеек»⁸.

Был и третий аспект темы. Название романа «Генерал БО» подчеркивает власть над эсеровской партией ее боевой организации. Роман Гуль видел всевластие ЧК, когда писал первую редакцию романа. Он знал о репрессиях коммунистов и ГУЛАГе, когда создавал вторую. Ретроспективно писатель пытался найти в прошлом революционного

движения примеры подчинения членов партии ее боевой, карательной, организации. Увидеть семена большого террора ЧК-НКВД в отношении членов партии и беспартийных. Роман «Азеф» – это рассказ о первых всполохах большого террора советских лет, «кровавой колшматине и человекоубоине»⁹. «И Блез Паскаль, и Владимир Соловьев, и Достоевский считали, что совесть прирождена человеку, – писал Гуль. – К сожалению, думаю, что все-таки не всякому. Есть уроды. В революционном мире всегда было довольно много «моральных идиотов». И Ленин, Сталин, Азеф, Гельфанд-Парвус принадлежат именно к ним, причем два последних – Азеф и Парвус – тоже были и не без «гениальности», и не без «гиганства». «Морально то, что полезно партии», – говорил Ленин»¹⁰.

В романе «Азеф» эти слова Ленина, вложенные в уста Бориса Савинкова, члена боевой организации социалистов-революционеров, тоже есть. «Савинков улыбнулся. Этот уклон показался ему вредным. «Вы стоите на ложной точке зрения, товарищ Петр. Для нас, для партии, совершенно безразлично, кто. Надо

убить. Вы ли, я ли, пятый ли, десятый ли, все равно: убьет Б.О., а не вы или я. То, что говорите, неверная, вредная точка зрения», – тихо проговорил Савинков. Петр слушал, сведя брови. Потом взял пузатенький графинчик, выдавил из него последнюю рюмку, сказал как бы сам себе: «Может, и так. Хотя как сказать». «А мы, улыбнулся Савинков, - должны стоять на точке зрения партии. Иначе выйдет разбой, товарищ»¹¹.

Роман «Азеф» – это рассказ о подпольных буднях революционеров. О подготовке двух террористических актов во имя революции: убийств министра внутренних дел Вячеслава Плеве и губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича. В романе действуют как лидеры партии – Михаил Чернов, Михаил Гоц, Екатерина Брешко-Брешковская, так и ее рядовые члены. Детально выписана биография Евно Азефа, руководителя боевиков. Динамичный сюжет делает чтение захватывающим. Но в репликах героев скрыто больше, чем требует композиция. И это глубинная основа романа – то, что хотел сказать автор.

...Накануне проведения двух терактов – убийства Плеве и Сергея Александровича – Борис Савинков беседует «по душам» с их исполнителями Егором Сазоновым (второе написание фамилии Созонов) и Иваном Каляевым. Это один из любимых приемов Гуля: в диалоге он раскрывает человека. В беседе проявляются два типа революционера-боевика: Гамлет Савинков и Дон-Кихоты Сазонов и Каляев. Два последних готовы искренно отдать свою жизнь за освобождение народа, Савинков же работает в терроре только ради себя.

Савинков: «Есть народ книжный, в который верят мальчики и девочки из гимназии и который у нас идеализируется. А есть живой, настоящий. Так вот, настоящий народ глух и туп, как стена, и никогда, даже в случае победы, не оценит жертв тех индивидуальностей, которые отдали революции жизнь... Но у меня нет, Егор, как у вас, любви и слепой веры в народ. Я вижу, что самодержавие гнило и мерзко. И я, поймите, я, бью его. Это моя игра. Для чего я бью? Для революции? Да. Чтобы пришли новые. Но разве я уверен, что эти новые

будут белоснежны и наступит царствие Божие? В это я не верю, Егор. У меня нет веры. Я знаю, что данная государственная форма изжита, новая не родится без мук, борьбы, крови. И я хочу участвовать в этой борьбе, но не для Ивана, Петра и Пелагеи. А для себя. Вот моя с вами разница. Вы идете жертвовать для метафизических Петров и Пелагеев. А я жертвую собой для себя».

Егор Сазонов, убийца Плеве, потрясен такой откровенностью.

Сазонов: «Но ведь если вы не верите в народ, в массу, в коллектив, а верите только в себя, то в одно прекрасное утро вам может захотеться встать и против народа?».

Савинков: «Этого не может быть, Егор. Если я не становлюсь подобно вам на карачки перед народом, это еще не значит, что я могу стать его врагом. Врагом народа я быть не могу».

Откровениями Савинкова удивлен и Каляев.

Каляев: «Да, дорогой Борис, убить никогда не бывает надо; ведь мы убиваем только лишь для того, чтобы в будущем жить культурно, жить именно без

этого проклятого террора. Убить никогда не бывает надо, только когда за убийством большая любовь, великая любовь к человечеству, к правде, справедливости, к социализму, свободе, человеку как брату, только тогда можно убить, и мы, выходя на террор, не только ведь убиваем «их», мы убиваем себя, свою душу отдаем на алтарь идеи».

Савинков: «Мне начинает казаться, что все эти слова о правдах-справедливостях, идеях-идеалах, о социализме и прочих фаланстерах – все это у вас, лучших боевиков, прикрывает иступленную жажду жертвы как таковой. Ну если б вот у нас, например, сейчас было не самодержавие, а социализм и рай на земле, то ты все равно бы нашел какую-нибудь идею и принес бы себя ей в жертву... Ты больше думаешь, Янек, о том как ты умрешь, а не как убьешь».

Роман Гуль, писал диалоги Бориса Савинкова с Сазоновым и Каляевым, опираясь на воспоминания Савинкова.

Их же в своем исследовании о революционном движении с точки зрения психоанализа использует саратовский историк Дмитрий Чернышевский. Он

отмечает, что «жертвенность, перерастающая в любовь к смерти, оставалась доминантой революционной психологии» как во второй половине XIX, так и в начале XX века.

Он, как и Гуль, видит тесную связь между такой психологией народников и наследовавших им эсеров с психологией большевиков – Ленина, Троцкого, Сталина. Чернышевский пишет: «Н. И. Бухарин с одобрением отзывался о словах Сен-Жюста, утверждавшего в 1793 г., что «нужно управлять железом, если нельзя управлять законом», и сам договорился до того, что назвал расстрелы «методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи». Но и ему не удалось превзойти своего вождя, Ленина, заявившего: «Пусть лучше 90 % русского народа погибнет, но 10 % доживет до мировой революции». Деяния же революционеров, ввергнувших Россию в неслыханную кровавую бойню, показывают, что слова их не расходились с действительностью»¹².

Борис Савинков одержим идеей смерти также как Сазанов и Каляев. Он говорит это руководителю

партии эсеров Михаилу Гоцу, читая свой рассказ «Тоска по смерти»¹³. Гоц не понимает смысл рассказа – смерть без жертвы ему чужда. Савинков не спорит, он устал от жизни – и стремится к смерти ради смерти: «Дай мне немного кротости, // Мое сердце как камень. // Дай мне немного твердости, // Я весь изранен. Дай мне немного мудрости, // Моя душа опустела. // Дай мне немного твердости. // Моя душа отлетела. // – Или благослови мою смерть»¹⁴.

Устами Савинкова Роман Гуль дает характеристику Азефу, руководителю боевиков: «У него душа не седая. Даже души нет, вставлена революционная машина. Домашняя гильотина. Рубит, а он пальцами отстукивает, счет ведет. Жить ничто не мешает»¹⁵. На контрасте – сцена дома, в семье: «Азеф приехал внезапно. С порога, широко разведя руки, он поймал Мишу, высоко подбросил, прижал его, целуя смуглые Мишины щеки. Миша, взвизгнув, обхватил толстую папину шею, целуя куда попало... Азеф ласково гладит Мишину кудрявую голову. Азеф очень любит своего сына»¹⁶. Жестокость и любовь идут рядом.

Террор – главное оружие партии социалистов-революционеров. Руководители партии твердо уверены, что все теракты совершаются по их указаниям. Они искренно радуются им, планируют новые. И не подозревают, что являются всего лишь марионетками в руках боевой организации, ее руководителя, который ведет двойную игру: с ними и охранкой. В порыве откровенности Азеф говорит Савинкову: «Я настоял на твоей кооптации в ЦК. Нам дело надо провести, могут быть возражения. Деньги дают Б.О., а не ЦК, и их надо взять во что бы то ни стало. Не понимаешь? Ведь деньги на террор, стало быть, я и ты держим ЦК и всю партию в руках»¹⁷.

Деньги, о которых говорит Азеф, дают японцы, воюющие с Россией¹⁸, и Роман Гуль, подчеркивая это, проводит тем самым параллели между Азефом и Лениным.

Савинков: «Японцы в данный момент на войне бьют русский народ. Если они дают деньги, то, наверное, не из-за симпатий к русской революции, а

чтоб облегчить избиение русского народа на фронте ударами в тылу».

Азеф: «И что же? При чем тут «симпатии»? Нам нужны деньги? Мы их берем. А кто дает, не все ли равно».

Савинков: «Японцы, неудобно. Пойдет крик. Мы можем быть скомпрометированы, от нас отвернется общество».

Азеф: «Общество? Нужны деньги, мы их возьмем. Если сделаем дело, общество и прочая сволочь сами побегут за нами. А если ничего не сделаем, нас же затопчут»¹⁹.

Когда появились подозрения в предательстве Азефа, руководство партии эсеров, особенно «теоретик» Виктор Чернов, им не поверило.

В процессе разоблачения погибли люди, заподозрившие Азефа. Их убивают по приказу партии. И только доказательства Владимира Бурцева, представленные на суд ЦК, сдвигают дело с мертвой точки. Азеф разоблачен. Понимая, что его убьют, он бежит. Ощущение мерзости предательства передает сцена с Борисом Савинковым: «Савинков по ночам

ходил по кабинету, курил, садился, вставал, пил, снова ходил, похожий на не находящего себе места зверя. Он не думал об ужасе смерти товарищей на виселицах, о поражении дела, о том, что ЦК смешан с грязью. Он думал о том, что им, революционером Савинковым, пять лет играл провокатор Азеф, как хотел»²⁰.

История с Азефом была темным пятном во внутривнутрипартийной истории социалистов-революционеров. Она не отпускала их всю жизнь.

В архиве Гуля сохранилась запись: «И еще со слов И. Г. Церетели: «Как-то вечером мы сидели, заговорили о том, что у каждого человек было самого тяжелого в жизни. Чернов долго думал и потом сказал только одно: – Азеф»²¹...

На основе романа «Генерал БО» Роман Гуль написал одноименную пьесу. В 1937 году, когда НКВД – боевая организация большевиков – подмяла под себя партию коммунистов, пьеса была поставлена в Париже «Русским театром». Спектакль шел четыре раза. И всегда был аншлаг. На премьере присутствовали Владимир Бурцев, Иван Бунин,

Борис Зайцев, Марк Алданов, Надежда Тэффи. Отзывы о спектакле были положительные²².

Роман «Азеф» крепко сросся с автором. И в Германии, когда Гитлер пришел к власти, стал причиной ареста Романа Борисовича и его последующего попадания в концлагерь. Изданная на немецком языке, книга по воле издателя, имела название «Борис Савинков. Роман террориста». Она была выпущена книжным издательством, которым владел еврей. После прихода нацистов, издательство закрылось. Книги, выпущенные им, подверглись досмотру. И какой-то гестаповец, как вспоминал Гуль, посмотрев на название, посчитал, что книгу написал террорист. Роман Борисович был немедленно арестован²³ и посажен в нацистский концентрационный лагерь Ораниенбург. Освободили Романа Борисовича только по ходатайству друзей, задействовавших все свои связи в нацистской партии.

В России роман «Азеф» был впервые напечатан в 1991 году. Второй раз в 1994 году. С тех пор больше не переиздавался. В сети Интернет размещены его электронные копии.

-
- ¹ Гуль Р. Б. Я унес Россию. М.: Б.С.Г. – ПРЕСС, 2001. Т. II. С. 194.
- ² Глэд Дж. Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье. М.: Книжная палата, 1991. С. 44.
- ³ Гуль Р. Азеф. М.: Скиф-Профиздат, 1991. С. 3.
- ⁴ Глэд Дж. Беседы в изгнании. С. 39.
- ⁵ Гуль Р. Азеф. С. 2-3.
- ⁶ Там же. С. 4.
- ⁷ Волошин М. Россия...
- ⁸ Солженицын А. И. Публицистика. Ярославль, 1995. Т. 3. С. 19.
- ⁹ Гуль Р.Б. Я унес Россию. М.: Б.С.Г. – ПРЕСС, 2001. Т. III. С. 355.
- ¹⁰ Там же. С. 248-249.
- ¹¹ Гуль Р. Азеф. С. 48-49.
- ¹² Чернышевский Д. Революционное движение в России с точки зрения психоанализа // Волга. Саратов. 1994. № 5-6. С. 135-137.
- ¹³ Гуль Р. Азеф. С. 36-37.
- ¹⁴ Там же. С. 129. Стихи Савинкова из письма к жене.
- ¹⁵ Там же. С. 139.
- ¹⁶ Там же. С. 131.
- ¹⁷ Там же. С. 167.
- ¹⁸ Подробно см.: Павлов Д. Б. Японские деньги и русская революция. М.: Прогресс, 1993.
- ¹⁹ Гуль Р. Азеф. с. 167-168.
- ²⁰ Там же. С. 297.
- ²¹ Новый журнал. Нью-Йорк. 1986. Кн. 164. С. 88.
- ²² Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. II. С. 132-135.
- ²³ Гуль Р. Б. Я унес Россию. М.: Б.С.Г. – ПРЕСС, 2001. Т. I. С. 381, 421.

Человек-чудовище

Для Романа Гуля Сталин – «человек Зла», такой же, как Ленин. Роман Борисович дал такую характеристику Сталину, сравнивая его с Александром Керенским. Керенский для Гуля – «человек Добра», потому что «любил Россию, любил народ и хотел ему добра»¹. У Сталина этого не было. Мнение о Сталине складывалось у Романа Гуля постепенно, по мере его выдвижения на первую роль в партии большевиков. Писатель создавал представление о вожде народов так же, как и о Ленине, читая литературу о Сталине, общаясь с людьми, знавшими его, или эмигрировавшими из СССР. Особое место в этом ряду принадлежит дочери Сталина Светлане Аллилуевой, с которой семья Гуля – он и его жена Ольга Андреевна – находились в дружеских отношениях. Знакомство состоялось в 1967 году, после бегства дочери

Сталина в США из Советского Союза. Они впервые встретились в Нью-Йорке, в квартире профессора Давида Джапаридзе. Его супруга Устина, как и Гуль, работала в «Новом журнале» (Роман Борисович был его редактором). Гуль вспоминал: «Когда мы с Олечкой вошли в гостиную, Светлана сидела в кресле, глядя на нас чуть-чуть исподлобья. И от этого «исподлобья» у меня невольно мелькнуло: «До чего похожа на отца!». Вечер прошел в непринужденном разговоре обо всем. Светлана почувствовалась умной и прекрасно воспитанной. Когда мы стали уходить и расцеловались с Дато и Утей, Светлана подошла ко мне и мы облобызались, после чего она облобызалась и с Олечкой. Помню, выйдя на улицу, я сказал «Олечка, могло ли мне прийти когда-нибудь в голову, что я облобызаюсь с дочерью «отца народов»?!» после этой встречи у нас со Светланой установились дружеские отношения и переписка»².

Роман Гуль рассматривал Сталина, как наследника Ленина. И был очень доволен, что его позиция совпала здесь с точкой зрения Светланы Аллилуевой. Такого же взгляда придерживался и

Александр Солженицын, чью книгу «Архипелаг ГУЛАГ» Роман Борисович считал «великой»³. «Большая заслуга Александра Исаевича Солженицына, – писал Гуль, – в том, что именно к Ленину, ко всему большевицкому заговору и перевороту он относит закладку страшной машины убийств и ломки человеческих тел и душ»⁴.

*Светлана Аллилуева – Роману Гулю, письмо от 30 октября 1967 года: «Все еще с Ленина и Дзержинского пошло: механизм адский был уже тогда запущен. И для этого механизма, машины, системы отец мой только оказался наилучшим инструментом, наравне с Берией и прочими малютами, которые меня в «20 письмах» не интересовали, поскольку «20 писем» – о себе, а к семье близок и причастен был больше других и дольше других – только Берия»*⁵.

Для Гуля большевики были бастардами революции. Они взяли власть исключительно силой, не дав воплотится здоровым намерениям в решениях Учредительного собрания.

Революция – русский бунт – был явлением крестьянским, и эта воля крестьян должна была стать основой будущей России. Только так можно было бы оправдать все зверства русского бунта. Но большевики отодвинули от власти социалистические партии, готовые это сделать. Во время нэпа, введенного Лениным чтобы сохранить ускользающую из-за военного коммунизма от большевиков власть, крестьянство встало на ноги, и «крушение» большевиков, относившихся отрицательно к крестьянству⁶, было, по Гулю, неизбежным. Сталин, чтобы сохранить «власть коммунистической олигархии», вновь вернул «военный коммунизм» - уложил революцию «на прокрустово ложе», на котором она и с самого начала, при Ленине, не помещалась: «Сталин с своими заплечных дел мастерами не только обрубает ноги, он корнает народное тело со всех сторон ножницами пятилетки и коллективизации и втискивает это тело в рамку интегрального коммунизма»⁷.

Итог этих деяний большевиков печален: «На пятом году пятилетки, в азарте генеральной линии тяжело повреждена основанная жизненная сила России – русское крестьянство; страна хиреет не по дням, а по часам; в прокрустовом ложе лежит полумертвец. Но, обескровленное и превращенное в крепостных колхозных батраков, крестьянство все еще ведет героическую, не на жизнь, а на смерть, борьбу, оказывая Сталину последнее отчаянное сопротивление»⁸.

Государство Сталина Роман Гуль называл диктатурой. Основным инструментом управления в нем был террор, а родовым пятном – хамство, как в отношении собственных граждан, так и зарубежных государств. «Иностранцы ведь до сих пор «бесовщины» большевизма не понимают, – писал Гуль. – Они думают, что когда Хрущев стучит грязными ботинком по пюпитру в зале Объединенных Наций, это всего-навсего невоспитанность. Нет, это целая программа. Это нормальный жест того низменного, хамского

нигилизма, которым пропитана эта ленинско-нечаевская КПСС»⁹.

Государство, во главе которого стоял Сталин, существовало не для благополучия граждан, а для благополучия «коммунистической олигархии». Сталину, как и Ленину, Гуль не мог простить миллионы загубленных жизней.

Власть большевиков Роман Борисович назвал властью псевдонимов или полулюдей: «Все эти заговорщики-захватчики были природно лишены естественных, полных человеческих чувств. Их жизнью была исключительно – партия. В партии интриги, склока, борьба, но главное – власть, власть, власть, власть над людьми... Для меня эти «псевдонимы», эти вульгарные материалисты были получудовищами»¹⁰. И во главе их находился «человек-чудовище»¹¹ – Сталин. Впрочем, «история злая старушка»¹².

Находясь в эмиграции, Роман Борисович часто вспоминал эти слова, услышанные в Пензе, на митинге от какого-то меньшевика. «Меньшевичок-старичок был, конечно, и умен, и образован, и к тому

же с интуицией. Тогда, в Пензе, он был пророком», – писал Гуль. Для писателя сталинизм – это орудие возмездия судьбы, срубившее головы тем, кто поддержал большевиков в годы революции. Невинно пролитая кровь должна быть отмщена. Добро существует только с кулаками, иначе оно проиграет злу.

О крестьянстве: «Петр Струве говорил, что большевизм – это смесь западных ядов с истинно русской сивухой. Да. Псевдонимы были западным ядом, а бакунинское мужицкое буйство – истинно русской сивухой. Захватившие власть псевдонимы, демагогически подогревая мужицкое погромное буйство, ненависть к имущим, ненависть к государственности, ненависть к церкви, ненависть к прошлому, – потихоньку плели и для мужика бесовскую марксистскую удавку, свою мертвую петлю»¹³.

Через десять лет пришел час расплаты. Миллионы убитых Сталиным крестьян в годы коллективизации – это цена за крестьянскую «сивуху» гражданской войны¹⁴.

О репрессированных большевиках: «Вспоминаю, как покойный друг, профессор Н. Е. Ефремов, рассказывал мне об одном поразительном случае его тюремных скитаний во время ежовщины. В камере с ним сидел бывший матрос, бывший чекист. Никаких иллюзий относительно своего конца у матроса не было. Он про себя все что-то шептал. «Может быть, молился, – сказал Ефремов. И этот матрос в своей потребности какого-то покаяния рассказывал Ефремову, как в свое время в Черном море они топили белых офицеров, привязывая их живыми к рельсам, и с этими рельсами выбрасывали в море. Когда час этого чекиста-матроса настал и за ним пришли, вызвав «с вещами», он встал, перекрестился мелким крестом и, прощаясь с Ефремовым, шепнул ему: «Вот они, рельсы-то, когда выходят...»¹⁵.

Гуль считал Сталина государственным деятелем (за Лениным он это качество не признавал). Ленин выступил в роли «тарана», сломавшего старую государственность, Сталин выстроил новую. Царскую Россию Роман Борисович называл «допотопной»¹⁶. Следовательно, Сталин был неким

Ноем, возродившим государственность после потопа – революции. Но государственность была построена им на «миллионах трупов и миллионах искалеченных жизней»¹⁷. Гуль видел вклад Сталина в победу в Великой Отечественной войне, но триумф советского оружия не убедил его, как многих других эмигрантов, «что коммунизм изжит, национальная Россия проснулась и наше место там»¹⁸ – на родине.

Роман Борисович убеждал своих друзей не возвращаться в СССР. Говорил, что, попав туда, они окажутся в лагерях. Погибнут. Со многими так и случилось.

Роману Гулю была чужда позиция бывшего лидера кадетов Павла Милюкова, хвалившего Сталина и его диктатуру в годы войны. Он не принадлежал к числу тех, кто как Милюков, считал, что цель оправдывает средства ее достижения¹⁹.

Роман Гуль высоко ценил сообщаемые Светланой Аллилуевой детали о личности Сталина. Для него это был очень важный источник информации. Взгляд из семьи вождя. Обдуманное не один раз, он приводила Романа Борисовича к выводу об

«одиночестве тирана», почти шекспировской драме. В «предельном одиночестве подозрительность тирана с годами становилась маниакальной», – писал Роман Гуль. Такая подозрительность стала причиной гибели многих людей.

Маниакальность Сталина приближала к нему тех, кто готов был выслужиться, выполняя волю вождя. Кроме Берии, утверждал писатель, «таких «малют» у Сталина было несколько: Поскребышев, Ягода, Маленков, Микоян, Хрущев и другие. Все это были «мелкие бесы», выполнявшие грязные и кровавые поручения «отца народов». Но на общую политику Сталина никто влиять не мог. Это была его политика»²⁰.

Художественный образ Сталина представлен в книге Гуля «Ворошилов», в которой говорится о Клименте Ворошилове, его пути от рабочего до маршала. Этот путь красный маршал проделал с помощью Сталина, встретившись с ним в гражданскую войну в Царицыне (ныне Волгоград).

«В Царицын, в «красную надежду», – пишет Гуль, – привести войска в состояние железной твердости,

совнарком недаром отправил чуть сутулого, невзрачного человека с черными висячими усами и лицом, тронутой оспой, – Сталина. Перед отъездом Сталин словно устало сказал в заседании совнаркома: «Меня давно превращают в специалиста по чистке конюшен военного ведомства». Это сказано по адресу непримиримого врага, всесильного предреввоенсовета Троцкого. На наиболее опасных, наиболее страшных для революции участках фронтов появлялась фигура этого «твердокаменного большевика». Появлялся на таких же участках и Троцкий. Одними мерами – беспощадной жесткостью и кровью – укрепляли они красный фронт. Разница была только в том, что хороший оратор-демагог, Троцкий вместе с расстрелами выступал еще на митингах перед массами с речами, полными террористическо-канцелярской истерики, позы и фраз, долженствующих «перейти в историю». Неумеющий же красно говорить, ни писать Сталин шел кратчайшим путем Малюты Скуратова – расстрелами в полном молчании. Но эти вожди уже

ненавидели друг друга, хоть и боролись в потемках»²¹.

Путь Малюты Скуратова и вынес Сталина на самый верх большевистской вертикали власти, сделав его, вслед за Иваном Грозным, одним из самых бесчеловечных властителей России.

¹ Гуль Р. Б. Я унес Россию. М.: Б.С.Г. – ПРЕСС, 2001. Т. II. С. 96.

² Гуль Р. Б. Я унес Россию. М.: Б.С.Г. – ПРЕСС, 2001. Т. III. С. 334.

³ Там же. С. 242.

⁴ Там же. С. 254.

⁵ Там же. С. 358.

⁶ Гуль Р. Б. Я унес Россию. М.: Б.С.Г. – ПРЕСС, 2001. Т. I. С. 49.

⁷ Гуль Р. Красные маршалы. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 128-129.

⁸ Там же. С. 129.

⁹ Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. III. С. 337.

¹⁰ Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. I. С. 48-49.

¹¹ Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. III. С. 339.

¹² Там же. С. 344.

¹³ Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. I. С. 50.

¹⁴ Там же. С. 51.

¹⁵ Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. III. С. 345.

¹⁶ Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. I. С. 168.

¹⁷ Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. III. С. 347.

¹⁸ Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. II. С. 213..

¹⁹ Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. III. С. 122.

²⁰ Там же. С. 342.

²¹ Гуль Р. Красные маршалы. С. 138.

Красные маршалы

Власть большевиков держалась на военной силе, считал Роман Гуль. Одной из ее опор была армия, второй – НКВД. Но армия, по мысли писателя, в отличие от чекистов меньше связана с компартией и поэтому не так предана ей: «Можно утверждать, что нет ни одной армии в мире, которая находилась бы в таких тисках правительственного аппарата, как Красная Армия. Со всей тщательностью правительство следит и оберегает ее от всякого проникновения идей, разлагающих официальную коммунистическую доктрину. Но в то время как в клещи коммунистического шпионажа зажата низовая солдатская масса, ее головка, из выдвинувшихся в гражданскую войну «красных маршалов» ходом жизни освобождается из-под контроля партийного аппарата. Думается, верно мнение, что смена террористическо-коммунистической диктатуры

выйдет из группы военных – руководителей Красной Армии, которая обопрется в первую очередь на крестьянство»¹. Такой взгляд на политический ландшафт Советского Союза определил интерес Романа Борисовича к биографиям высших командиров Красной Армии. Он искал среди них того, кто мог бы возглавить переворот, цель которого – свержение большевиков.

Рассуждения Гуля имели гипотетический характер. Никакого заговора, как показали историки, против диктатуры Сталина не существовало². Но Роман Гуль наблюдал события из-за границы, и ему казалось, что такой заговор возможен. Из всей когорты выдвиженцев – Тухачевского, Буденного, Егорова, Каменева, Ворошилова, Блюхера – на место русского Бонапарта, завершившего собой Французскую революцию XVIII века, Роман Борисович ставил Михаила Тухачевского. «В чемпионате советских полководцев у Тухачевского нет соперников по влиянию и военной славе», - писал Гуль³. Биография Михаила Тухачевского вышла в

Берлине в 1932 году. В 1935 году была издана в Париже на французском языке.

Книга состоит из двенадцати глав, рассказывающих о Тухачевском до 1930 года, но, в основном, о его биографии времен гражданской войны. Детским и юношеским годам полководца отведено немного места. Рассказ о Тухачевском Роман Борисович основывает как на достоверных, так и полулегендарных сведениях. Использует личные воспоминания – Тухачевский учился с Гулем в одной гимназии.

Главная цель – показать полное сходство Тухачевского как военного деятеля с Наполеоном. Провести аналогию, понятную любому гимназисту царской России: Тухачевский – советский Наполеон, который завершит революцию, как сделал это Наполеон Бонапарт.

Михаил Тухачевский вернет Россию к национальным истокам под флагом революции. Поэтому в книге очень много сравнений двух военных деятелей и открывается она наполеоновскими словами – двумя эпитафиями.

Первый: «Нора для кротов ваша Европа! Великие империи и великие революции совершаются только на востоке». Второй: «В наши дни никто ни о чем великом не думает. Я покажу пример».

«Победы Михаила Тухачевского в русской гражданской войне блестящи, – писал Гуль, – но не принадлежат только «мечу» и «маневру». Как и Бонапарт, не будучи по складу души революционером, маниакально-честолюбивый двадцатилетний полководец полагал, что «желать убить революцию может только сумасшедший». Пытавшихся веревкой остановить безудержно несущуюся телегу российских восстаний, «сумасшедших» белых генералов Тухачевский разбил в гражданской войне. В 1793 году перед славой Тулона артиллерийский поручик Бонапарт, едучи в Марсель, писал, как друг конвента, политическую брошюру «Ужин в Бокере». В 1918 году в разлив русской гражданской войны в штабном вагоне, откуда наносил он поражения контрреволюционным генералам, Тухачевский писал

статьи «О войне не мировой, войне гражданской, войне классовой»⁴.

В восьмой главе Михаила Тухачевского с Наполеоном сравнивает сам Ленин: «Имя победителя Колчака, Тухачевского, знала теперь уже вся партия и армия. И щуря темный монгольский глаз, читая телеграфные победные реляции, Ленин говорил в усмешке: «А гвардеец-то молодец! Настоящий полководец. Как вы думаете, Иосиф Виссарионович, он у нас, чего доброго, еще Наполеоном станет, а?». И, задумавшись, добавил угрюмо и угрожающе: «Ну, мы-то с Наполеонами справимся!»⁵. Последняя фраза Ленина за пять лет до ареста Тухачевского (книга вышла в 1932 году) выглядит зловещим пророчеством.

У Романа Гуля Тухачевский – идеальный воин. Храбрый, безупречный, умный. Он знает, что война – это его профессия, жизненный путь, и он всего себя подчиняет войне. С первых дней на фронте он обращает на себя внимание сослуживцев: «... карьера началась. Хоть не пользовался любовью однополчан, на отдыхе чуждавшийся общего веселья, шуток,

выпивки, сумрачный, всегда ровный, со всеми холодный, – но о нем заговорили и имя его узнали в корпусе»⁶.

Оказавшись в плену, Михаил Тухачевский не сдается и бежит в Россию, где началась революция. Для него – по мысли автора – она трамплин. Только революция поможет ему стать известным: «Тухачевский не революционер; он не мог им быть по всему складу души. Тухачевский – профессиональный солдат; но не кондотьер и не солдат по присяге. Тухачевский солдат собственным умом, собственной храбростью, собственным вкусом к истории. Из такого теста выпекались Бонапарты, Бернадоты, Неи, Даву, Пишегрю»⁷.

«Я не знаю, о чем он думал, присутствуя при трагизме живой русской истории, пишет Роман Борисович. – Хотелось ли ему, как Бонапарту, поставить если не пушку, то пулемет, чтобы выпустить ленту в эту пьяную гранатную сволочь? Или думал только о мании, о головокружительной карьере, срок чему, кажется пришел? Учредительного собрания, смерти которого от малокровия выжидал

Ленин, Тухачевский не жалел во всяком случае. Оно умерло, когда вышедшему из темноты российских деревень начальнику большевистского караула матросу Железняку от бессонных ночей захотелось спать. Он сделал Ленину дело. Не сдерживая зевоты, брякая прикладами об пол, матрос подошел к председателю Виктору Чернову и попросил «скорей кончать лавочку». И председатель закрыл беспрекословно. Это была жирная точка в русской истории. Отсюда началась Советская Россия. И карьера Михаила Тухачевского, та самая, о которой так страстно мечталось с 15 лет. «Революция мне пришлась по душе и равенство, которое должно было меня возвысить, соблазняло меня», – говорил Наполеон»⁸.

Михаил Тухачевский бьет Колчака, Деникина, идет в Польшу, брать Варшаву. Роман Гуль, рассказывая о военных успехах Тухачевского, повышает градус повествования. Его сравнения Тухачевского с Наполеоном уже становятся навязчивыми: «Идущие на Европу войска Тухачевского были очень похожи на санкюлотские

армии Наполеона»⁹. Однако, триумфа, как у Наполеона, не получилось. Польша отстояла независимость. Поражение, пишет Гуль, стало причиной депрессии Тухачевского: «сорвалась гастроль на мировой сцене, и близкого реванша не предвиделось»¹⁰.

Случай подвернулся в России. В марте 1921 года вспыхнуло восстание в Кронштадте. Руководством страны Тухачевский был назначен его карателем. Пытаясь найти мотивы командарма Роман Гуль рассуждал: «После польского поражения, срыва грандиозного удара по Европе, презренье и ненависть Тухачевского заслужили не только малоталантливые военначальники, но и русский расхлябанный солдат, мужик и рабочий, не донесшие на своих штыках его победу до Варшавы, Берлин, Парижа, Лондона. Именно поэтому так жесток и был красавец-барин М. Н. Тухачевский в подавлении этого же солдата и мужика, всколыхнувшегося в 1921 году восстаньем против деспотии Кремля»¹¹.

Роман Гуль очень искусно вставляет свои догадки в текст, создавая впечатления их высокой

достоверности. Здесь – будто бы слов самого маршала. Хотя на самом деле – это художественный прием, особенность стиля писателя. В этом же ряду – сравнение красных войск с опричниками Ивана Грозного, ведущих войну с собственным народом.

В подавлении мятежа Гуль главную роль отводит Льву Троцкому, председателю Реввоенсовета. Тухачевский – талантливый исполнитель: «Тухачевский бьет Кронштадт, уже занято полгорода. Тухачевский с командирами групп на берегу залива: из охваченной кровавой баней крепости, по льду в Финляндию убегают кронштадтские беженцы. Отбиваются матросы, как звери, знают – от Тухачевского с Троцким пощады не будет, хоть бы семьям уйти. Озверели и курсанты, заградители, чекисты»¹².

Еще одной ступенью в карьере Михаила Тухачевского стало участие в подавлении восстания крестьян в Тамбовской губернии. Здесь соперником командарма оказывается учитель, «атаман-мститель» Герасим Антонов. Роман Борисович неверно называет имя и отчество Антонова (на самом деле он

Александр Степанович и учителем никогда не был), но здесь, несомненно, следует сделать скидку на малодоступность сведений о восстании, особенно за рубежом. В целом канву крестьянской войны Гуль описывает верно. Для него Антонов – предводитель «разино-пугачевской вольницы», восставшей против угнетателей крестьян. Он безжалостно «жжет совхозы, налетает на станции, вырезает коммунистов, а когда надо рассыплет отряды по селам», спрячет повстанцев¹³.

Из-за нехватки свидетельств Гуль мало пишет о действиях Тухачевского во время Антоновского мятежа. Он лишь отмечает, что командарм подавил его дико, по-варварски, потому что иначе не смог. «Только заросшие крапивой и полынью сельские кладбища с низкими косыми крестами знали, сколько русых, седых, черных, льняных мужицких голов порубил Михаил Тухачевский», – пишет Роман Гуль¹⁴.

Гражданская война сделала Тухачевского самым главным полководцем страны, но не дала ему абсолютной власти, как Наполеону. Гуль напрасно

надеялся на военный заговор против коммунистов. Параллели с Французской революцией оказались ложными. Михаил Тухачевский не стремился стать Наполеоном. Он был Тухачевским.

Его казнь в 1937 году, как и других военачальников, показала всю иллюзорность самостоятельной роли армии в Советской России. Возможно, после этого Роман Борисович Гуль окончательно утратил последние надежды на освобождение страны от коммунизма.

Сверхполицейское государство, установленное революцией, казалось ему вечным. И даже победа в Великой Отечественной войне не зародила в нем надежд на перемены. В интервью журналисту Джону Глэду в 1982 году (видеозапись выложена в сеть Интернет) писатель сказал: «Я очень пессимистично настроен, вообще апокалипсически, если хотите знать: может быть, это моя мания, я не знаю, но без какого-то мирового катаклизма я не вижу будущего. Ибо советский режим ни к какой эволюции не склонен, мы это видели на протяжении десятилетий. И все эти попытки якобы эволюции были все

фальшивые. Тот же НЭП был военной хитростью Ленина. В Советском Союзе многие поверили, и за границей поверили. Я был в те времена сменовеховцем, который тоже поверил. В литературе, в искусстве была относительная свобода, тогда можно было поверить, тогда думалось, что вот немножко, и будет поворот к национальному правовому государству. Но сейчас, после коллективизации, после всех этих великих строек и перестроек, я не вижу, чтобы они могли, даже если бы захотели, повернуть куда-то в сторону либерализма. Уже сейчас появляется какой-то оптимизм к Юрию Андропову, моим американским друзьям кажется, что Андропов куда-то повернет. Я думаю, что кроме чекистского подвала, он никуда повернуть не может»¹⁵.

Слова Романа Борисовича Гуля – это слова человека девятнадцатого века, видевшего триумф либерализма и демократии. Двадцатый век, в связи с приходом в политику масс, сильно поколебал их устои, но не уничтожил.

Во второй половине века противостояние коммунизма и демократии определяло мировую политику. Гуть, живший в США, был на стороне свободного мира. Он не принимал коммунизм, считал его диктатурой и хотел возвращения России к подлинной демократии и свободе. Это была мечта, которой он жил в 1917 году. Мечта его друзей и знакомых. Но Гуть не видел в Советском Союзе сил для ее реализации. Всевластие КГБ представлялось ему тотальным. Поэтому только мировая катастрофа, с глобальной переоценкой ценностей в сторону свободы и демократии могла вывести СССР из диктатуры коммунистической партии и КГБ, стоявшего на ее страже.

Роман Гуть был твердо уверен, что дорога свободы и демократии – это правильный путь человечества. «Что я люблю больше всего на свете? – писал он незадолго до смерти. – Свою свободу. Какую свободу? Очень простую. Физическую свободу передвиженья, которой на родине нет. Духовную свободу – «мыслить и страдать», которой на родине нет. И, наконец, свободу демократического

государства, где по выражению Анатоля Франса, правительство должно считаться дворником, которого я прогоняю, если оно мне плохо служит»¹⁶.

Роман Борисович Гуль умер в Нью-Йорке 30 июня 1986 года, когда в Советском Союзе уже шла «перестройка» – движение к социализму с человеческим лицом. Начинался путь к демократии и свободе.

Во главе реформаторских сил был Михаил Горбачёв, генеральный секретарь КПСС. Но процесс реформ, как и в 1917 году, вышел из-под контроля. СССР, вставший на путь либерализации, неожиданно исчез с карты мира, открыв своей гибелью эпоху катаклизмов, полностью изменивших мир.

Точно также распад Российской империи стал началом «диктаторской Европы», против которой боролся Роман Гуль. Через год после распада Советского Союза пензенский краевед Олег Михайлович Савин впервые познакомил пензяков с Романом Гулем, опубликовав его биографию в журнале «Сура» (1992, № 3). Писатель из Пензы вернулся на родину.

-
- ¹ Гуль Р. Красные маршалы. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 128.
- ² См.: Кантор Ю. Тухачевский. М.: Молодая гвардия, 2014.
- ³ Гуль Р. Красные маршалы. С. 126.
- ⁴ Там же. С. 80-81.
- ⁵ Там же. С. 80.
- ⁶ Там же. С. 31.
- ⁷ С. 53-54.
- ⁸ Там же. С. 54
- ⁹ Там же. С. 98.
- ¹⁰ Там же. С. 109
- ¹¹ Там же. С. 111
- ¹² Там же. С. 121
- ¹³ Там же. С. 125
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Глэд, Д. Беседы в изгнании. М.: Книжная палата, 1991. С. 42-43.
- ¹⁶ Гуль Р. Б. Я унес Россию. М.: Б.С.Г. – ПРЕСС, 2001. Т. III. С. 28.

**РОМАН ГУЛЬ:
ПИСАТЕЛЬ ИЗ ПЕНЗЫ**

Автор
Дмитрий Мурашов
кандидат исторических наук

Корректор, компьютерная вёрстка, дизайн
Инна Харчева

Отпечатано с оригинал-макета

© Пензенская областная библиотека имени М. Ю. Лермонтова, 2018
© Д. Ю. Мурашов, 2018

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Что я люблю больше всего на свете? Свою свободу. Какую свободу? Очень простую. Физическую свободу передвиженья, которой на родине нет. Духовную свободу – «мыслить и страдать», которой на родине нет. И, наконец, свободу демократического государства, где по выражению Анатоля Франса, правительство должно считаться дворником, которого я прогоняю, если оно мне плохо служит.

Роман Гуль